ТРУДЫ АРХИВА РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

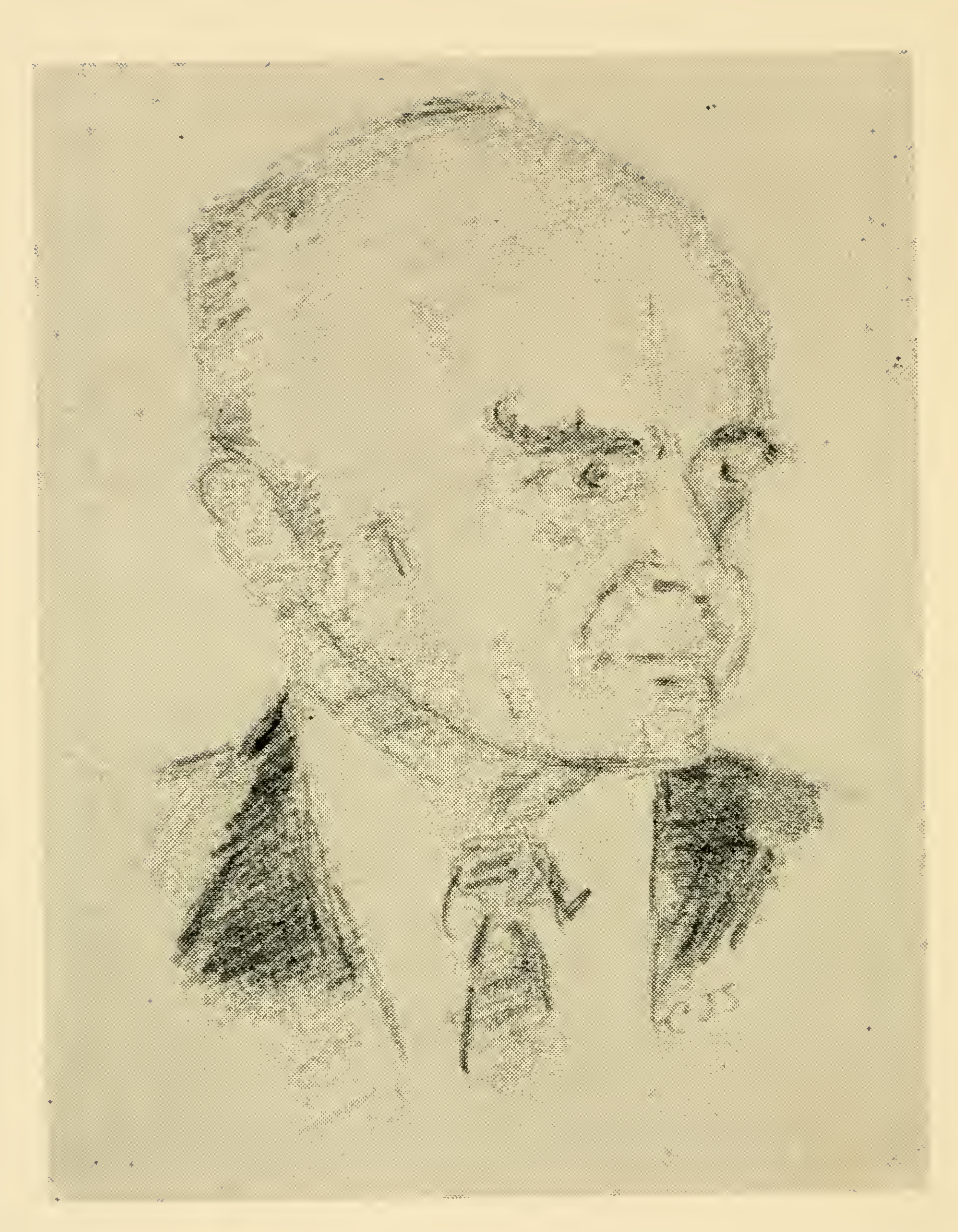
Том 3

А. Г. Алдан
Ген. штаба полковник

АРМИЯ ОБРЕЧЕННЫХ

Нью Йорк
1969

PRINTED BY ALL-SLAVIC PUBLISHING HOUSE, INC.

АНДРЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ
АЛДАН

Худ. Emmanuelle Tarasco

ТРУДЫ АРХИВА РУССКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

Том 3

А. Г. Алдан

Ген. штаба полковник

АРМИЯ ОБРЕЧЕННЫХ

ВОСПОМИНАНИЯ
ЗАМ. НАЧ. ШТАБА РОА

Под редакцией М. В. Шатова

Нью Йорк

1969

WORKS OF THE RUSSIAN LIBERATION ARMY ARCHIVES

Vol. 3

ANDREW G. ALDAN
COLONEL OF THE GENERAL STAFF

THE ARMY OF THE DAMNED

Memoirs of
the Deputy Chief of Staff of the Russian Liberation Army

EDITED BY
MICHAEL SCHATOFF

Library of Congress Catalog Card Number: 62-26338

Published by The Russian Liberation Army Archives

NEW YORK
1969

PRINTED BY ALL-SLAVIC PUBLISHING HOUSE, INC.

Предисловие

Воспоминания Генерального Штаба полковника Андрея Георгиевича Алдана (Нерянина) „Армия обреченных" были им написаны в американском плену в 1945-46 гг. и чудом сохранились в его бумагах.

В рукопись внесены лишь незначительные поправки фактического и литературного порядка. Пожелтевшие от времени страницы сберегли для истории ценнейшие воспоминания одного из выдающихся русских военачальников Второй Мировой войны.

Это не просто дневник — трагическое описание положения власовцев в плену у американцев, он полон глубоких раздумий и тонких наблюдений офицера генерального штаба, обладавшего исключительной памятью.

Конечно, жизнь обреченных в плену была не страшнее жизни так называемых „перемещенных лиц" — ДП, которые ожидали такой же участи быть выданными советам.

В те времена для западного, дипломатического, мира не существовало справедливости: все, кто поднял руку на сталинский режим, были также их врагами.

Позорное пятно выдач русских на расправу Сталину и НКВД никогда не будет смыто и никогда не будет забыто.

Полковник А. Г. Алдан покинул лагерь только тогда, когда не осталось надежды на спасение от выдачи и „покинул" — это значит бежал, — по узкой канализационной трубе.

В Мюнхене полковник А. Г. Алдан жил на законспирированной квартире и сразу же начал искать связи с находившимися на свободе власовцами, чтобы помочь оставшимся еще в плену друзьям.

Начиная с 1948 г. А. Г. Алдан включается в активную антикоммунистическую деятельность; избирается членом Руководящего Совета Союза Борьбы за Освобождение Народов России, возглавляет Военный Совет Союза Воинов Освободительного Движения и становится его бессменным председателем. Начинается его работа в Мюнхенском Институте по изучению СССР и одновременно сотрудничество с американскими оккупационными властями. Его привлекают для чтения лекций и консультаций о Советской армии.

В 1953 г. полковник А. Г. Алдан приглашается американским военным министерством для работы в Пентагоне; он читает лекции высшему и старшему командному составу о Советской армии.

Но жизнью и работой в Вашингтоне полковник А. Г. Алдан очень тяготился.

Деятельность полковника А. Г. Алдана была замечена большевиками давно и они прилагали все усилия для его ликвидации или хотя бы для того чтобы „вывести из игры". И, надо сказать большевики кое-чего добились, связные от них не раз доста-

вляли ему на квартиру фотографии жены, дочери и умоляющие письма возвратиться. Бывшие коллеги полк. Алдана, советские маршалы, прилагали „письменные гарантии" к письмам жены. Полковник Алдан переживал тяжело это и последние годы часто болел.

В 1957 году, в Вашингтоне, вдали от родины, в возрасте 54-х лет умер один из талантливейших военачальников генерального штаба, о котором тогдашний Нач. Штаба Генерал Армии Шапошников на выпуске в Академии Генерального Штаба в 1939 г. сказал, что полковник Нерянин — один из блестящих офицеров из всего курса, единственный отлично окончивший Академию и прочил ему большое будущее. Об этом же вспоминал профессор военного искусства генерал-майор Ф. И. Трухин, впоследствии Начальник Штаба РОА.

После Академии Генерального Штаба полковник А. Г. Алдан (Нерянин) занимал должность Нач. Оперативного Управления Штаба Уральского Военного Округа и с началом войны — Нач. штаба 22-й Советской Армии Резерва Ставки.

Когда войска немецкой 3-й танковой группы, позднее вошедшей с 2-й танковой группой, в состав 4-й танковой армии фельдмаршала фон Клюге, захватили плацдармы на Западной Двине в районах Десны и Витебска, то навстречу им была брошена 22-я армия.

Об этой контратаке 22-й армии командующий 3-й немецкой танковой группы написал: „О дальнейшем продвижении и соединении с 39 танковым корпусом нечего было и думать даже тогда, когда

освободившиеся под Минском остальные части 14-й моторизованной дивизии прибыли 5-го июля на плацдарм для усиления". (H. Hoth. Panzer-operationen. S. 79).

А вот, что отмечено советскими военными историками об этой операции: „Войска 22-й и 20-й армий своими контрударами нанесли врагу серьезный урон, задержали наступательный пыл немецких войск..." (История Великой Отечественной Войны. Москва, 1961. Том 2, стр. 40).

Большая заслуга в нанесении контрударов немецкой танковой группе фон Клюге принадлежит, главным образом, Нач. штаба 22-й армии полковнику А. Г. Алдану (Нерянину) и это впоследствии немецкие историки отметят в своих трудах, отдадут дань большому таланту офицера генерального штаба.

Полковник А. Г. Алдан (Нерянин) — один из инициаторов организации Архива РОА. И теперь Архив РОА отмечает заслуги А. Г. Алдана перед Россией и ее народом опубликованием этой книги. Полковник А. Г. Алдан (Нерянин) заслужил благодарную память.

Сотрудникам Архива РОА — проф. К. Константинову и Николаю Крейн приношу сердечную благодарность за помощь по изданию настоящей книги.

Мих. Шатов

I. МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Вскоре после опубликования Манифеста КОНР"а (14.11.44), т. е. в период наиболее радужных надежд на формирование РОА, мне пришлось беседовать с Начальником Штаба РОА генералом Ф. И. Трухиным и, несколько позднее, с А. А. Власовым. Оба они, почти дословно повторяя друг друга, говорили:

— Через 6-7 месяцев, т. е. к маю-июню 1945 г., мы будем иметь минимум 10 линейных дивизий, несколько запасных бригад или полков, офицерское училище, вспомогательные части и т. д. Сейчас идет формирование 1-ой дивизии, пока еще очень медленно, затем будем формировать 2-ую дивизию, в январе приступим к формированию 3-ей дивизии, после чего это дело пойдет гораздо быстрее. На днях получим ряд районов, где начнется развертывание наших частей. В лагерях военнопленных есть около одного миллиона человек, из кото-

рых можно сейчас же начать формировать части. Кроме того, в ближайшее время, из немецких частей будут изъяты все русские роты, батальоны и отряды, в коих приблизительно не менее 500.000 человек, а по некоторым данным, около 800.000 человек.

В общем людских ресурсов вполне достаточно, чтобы сформировать 30 дивизий. Десять дивизий не смогут вобрать в себя весь наличный людской состав. Будем строго отбирать.

В последущем мы сможем привлечь в наши части не менее 1-го миллиона человек из числа русских рабочих, находящихся в Германии (т. наз. ОСТ"овцы). Большую тревогу внушает вопрос об офицерских кадрах. Придется, видимо, создать целый ряд ускоренных офицерских курсов и школ для подготовки командного состава и младшего состава — специалистов.

У нас будут свои авиационные части и танковые войска. Сейчас создается пока 2-ая авиационная эскадрилья полк. Мальцева. В скором времени будет решен вопрос о формировании танкового полка.

Конечно, надо понимать, что немцам трудно будет дать нам материальную часть для авиационных и танковых частей. Имеются также трудности в обеспечении всех наших частей автомобильным транспортом, но, во всяком случае, часть дивизионного транспорта будет автомобильным. В артиллрии будет преобладать конная тяга. До мая месяца ни одна из наших частей не будет послана на фронт. Наша задача: сколотить части, обучить их, и затем

мы получим какой-нибудь участок фронта на востоке. После первых же боевых столкновений с советским войсками, мы прочно „встанем на ноги". Когда англо-американцы увидят наш успех на востоке, то они, надо думать, ослабят свой нажим на западе, дабы дать возможность немцам перебросить максимум сил на восток. Разгром Германии не входят в планы англо-американцев...

Это почти дословная запись рассуждений генерала Власова. Верили ли Власов и Трухин тому, что говорили? Что касается ген. Власова — неизвестно, а ген. Трухин, надо сказать, мало всему этому верил.

Несколько позднее, примерно в середине декабря, он удрученный сказал как-то: „Чорт их поймет, этих дураков-немцев, каждую мелочь чуть ли не с ножом к горлу приходится выцарапывать. До сих пор всё еще „формируют" 1-ую дивизию. Нет оружия, нет транспорта, тех офицеров, которых мы просим из лагерей, немцы не дают. В Норвегии масса людей, а мы не можем вытащить их оттуда. До сего дня всё еще не выделены для нас районы для формирования частей. Бесконечные совещания, заседания, а толку никакого. Нет, с немцами каши не сваришь, хотя это давно было известно, начиная с 1942-го года. Им надо просто пушечное мясо. Они предлагают нам формировать небольшие подразделения (не больше батальона) с тем, чтобы, по мере их сформирования, отправлять на фронт"....

В начале февраля состоялось „торжество" по случаю передачи ген. Власову, как главнокомандующему войсками РОА, формируемой 1-ой дивизии,

носившей до этого шифр: „600-я пех. дивизия-русская". Несколько ранее состоялось решение о передаче для формирования частей РОА районов Мюнзинген и Хойберг (западнее Ульма). 1-ая дивизия перешла в Мюнзинген, а в Хойберге началось развертывание 2-ой дивизии.

В конце января состоялось также решение о переводе Штаба РОА из Берлина в район формирующихся частей и о переводе КОНР"а в Карлсбад. Переезд Штаба и КОНР"а из Берлина походило не на плановое перемещение, а на бегство, каким оно и было по существу.

В это время для всех, даже для „непосвященных" было ясно, что немцы безудержно покатились в пропасть и необходимых ген. Власову 6-7 месяцев для формирования частей, они не могут дать. Теперь менее оголтелые нацисты, может быть и желали бы что-нибудь сделать для обеспечения реальных условий формирования частей РОА, но уже не могли. Вместе с тем, были и такие, которые продолжали всячески тормозить развертывание РОА. У нацистской верхушки, конечно, было основание не доверять русским. Они понимали, что Русское Освободительное Движение (РОД) и РОА в одинаковой мере направлены как против большевизма, так и против нацизма и фашизма. Через свою агентуру немцы знали о настроении русских, они были осведомлены о спорах: кто враг № 1 — большевики или немцы? Очень многие антикоммунисты считали врагом № 1 немцев. „Бей немцев, а потом разберем что и к чему!" На мирной позиции стояли,

главным образом, солдаты, младшие офицеры и рядовые участники РОД.

Втайне офицеры и солдаты РОА, русские рабочие и военнопленные полагали, что руководители РОА и РОД, в первую очередь ген. Власов и близкие к нему лица, имеют нелегальную связь с американцами и англичанами. Некоторые второстепенные лица, окружавшие Власова, Жиленкова, Трухина и Малышкина, намекали на то, что „в этом направлении кое-что делается, но, сами понимаете, об этом нельзя вслух говорить". Такие намеки подбадривали и успокаивали. Знали ли сами руководители о наличии подобных намеков? Скорей всего — нет. Рождались они, видимо, потому, что руководители в келейных разговорах между собой неосторожно высказывали антинемецкие настроения, а лица, окружавшие их, услышав что-то „краем уха", передавали приятелям, но уже в „своей обработке".

Надо сказать, что намеки о связях с англо-американцами не могли не распространяться. Потаенное и желаемое принималось за реально существующее. Психологически почва для них хорошо подготовлена двумя основными факторами:

1. Все русские (т. е. ОСТ"овцы и военнопленные) не то что не любили немцев, а ненавидели их острой ненавистью. Да и было за что. Эти люди на своей собственной спине убедились, что немцы никогда не могут быть друзьями русских и поэтому они инстинктивно тянулись к поискам других для себя союзников. В своем из глубины идущем стре-

млении, они справедливо полагали, что руководство РОА имеет связь с англо-американцами.

2. Абсолютное большинство бывших военнопленных, вступивших в РОА, чувствовало некий моральный гнет от факта „измены долгу присяги" надевая форму РОА. Но свой поступок они оправдывали следующим соображением: „Сталин и Советская власть отказались от меня, заявив, что я как военнопленный — изменник народа. А какой же я изменник, если я честно сражался, пока в силу обстоятельств не попал в плен?" У этих людей теплилась надежда на возможность возвращения на родину. Они думали: в Европе и в Америке не так устроено, как у нас в Советской России. Может быть, Англия и Америка после победы над Германией потребуют от Сталина изменения курса внутренней политики. И если это произойдет, тогда не страшно будет вернуться на родину".

На этом основании большинство, не только солдат, но и офицеров, лелеяло надежду, что руководство РОА и РОД принимает всё возможное для установления связи с союзниками.

Казалось, это так и должно быть, ибо Власов, Жиленков, Малышкин, Трухин и др. отлично понимали настроение людей, да и сами они столь же отлично понимали действительную цель руководящей немецкой верхушки.

Понимали, но, к сожалению, достаточно реальных шагов для связей с англо-американцами не сделали. Из-за страха перед немцами? Или хотели вести с немцами „честную" игру? Нет, скорей всего

потому, что не уловили момента, когда можно и надо было приступить к этому делу. Не уловили момента потому, что не имели продуманного принципиального решения по этому вопросу. Только после мартовского, совместного с немцами совещания в Карлсбаде, было принято решение, согласно коему ген. Малышкин должен был в момент эвакуации немцами Карлсбада, остаться там и войти в связь с англо-американским командованием.

Надежда на миссию ген. Малышкина была, мягко говоря, наивной и сама миссия крайне запоздалой. „Невеста" (РОА), которую должен был сосватать Малышкин, была совершенно неизвестна „жениху" (англо-американцам), и он о ней ничего вразумительного не слыхал. А если кое-что и слыхал, то знал, что она „бесприданница" и будет не на радость жениху, а только лишь обузой ему. Может быть, если бы „жених" заблаговременно пригляделся к „невесте", то что-нибудь и сделал, чтобы „нарядить" ее: по русским свадебным обрядам, жених должен делать подарки невесте, ее родителям и родным.

Непродуманность и отсутствие плана для связей с англо-американцами привели к тому, что все отдельные начальники, на свой риск, стали оставлять на местах своих людей „для установления связей": оставлялись люди в Карлсбаде, Егере, Праге, Вене, Мюнхене и в др. пунктах. Более того, уже на походе частей РОА, встречая ОСТ"овцев и военнопленных, говорили им: „Вот вы останетесь на территории, которая завтра будет занята американцами. Вы должны разъяснить американским

солдатам, что такое РОА, за что она борется, какие ее идеи и т. д. Только безысходность могла толкнуть людей на такие, с позволения сказать, „мероприятия".

II. ЧТО ДЕЛАТЬ?

В марте, не дав закончить формирование 1-ой дивизии, немцы потребовали отправки ее на фронт. Власов волей-неволей должен был согласиться на это, и для оправдания посылки дивизии, был найден следующий довод: „Немцы нам не доверяют, поскольку наши части не были еще в бою и неизвестно, как они поведут себя. Боевые действия 1-ой дивизии будут экзаменом и, если они выдержат экзамен, то после него формирование последующих частей пойдет быстрым темпом".

В начале апреля дивизия принала участие в одной небольшой операции на реке Одере в районе Котбус-Тор и показала неплохие боевые качества.

Однако, всё это было поздно, слишком поздно. Надо было думать не о формировании новых частей, а о том, что делать с наличными людьми. Союзники и с Запада, и с Востока безудержно шли навстречу друг-другу, и „жизненное" про-

странство становилось с каждым днем всё меньше и меньше.

Что представляла собою собственно Русская Освободительная Армия к 8 апреля, 1945 г. т. е. за месяц до общей капитуляции?

1. На фронте, в районе Котбус-Тор, находится 1-ая дивизия численностью около 14.000 человек. На присоединение к ней по железной дороге следуют два маршевых батальона. При дивизии сформирован и уже действует в боях противотанковый отряд. Общая численность всех войск в районе Котбус-Тор, составляем приблизительно, 16.000 человек.

2. В военном городке Мюнзинген формируется 2-ая дивизия. Ее численность перевалила за 13.000 человек. Дивизия плохо обмундирована, совершенно не имеет пехотного оружия, артиллерии, конского состава, транспорта, повозок и т. д.

Здесь же, в Мюнзингене, расположена 1-ая офицерская школа, численностью в 600 человек. В школе, кроме незначительного количества учебных винтовок, ничего нет.

С 1-го апреля в Мюнзингене начала формироваться запасная (резервная) бригада, рассчитанная на 5.000 человек. Ко дню выхода частей на марш в бригаде было около 7.000 человек.

В этом же гарнизоне находится отдельный строительный батальон, численностью в 800 человек.

3. В военном городке Хойберг расположен Штаб РОА, рота охраны Штаба, офицерский резерв и группа офицеров, предназначенных для развертывания 3-ей дивизии.

В конце февраля из Хойберга ушел не полностью сформированный 11-й противотанковый истребительный отряд численностью в 900 человек. Отряд направлялся на присоединение к 1-ой дивизии. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Кроме перечисленных частей, в состав РОА можно фиктивно включить Казачий Корпус генерала фон Паннвица. В середине марта „Всеказачий съезд" принял решение о вхождении всех казачьих частей в РОА. Походным атаманом съезд „избрал" генерала фон Паннвица. Решение казачьего съезда было объявлено в частях РОА только 21-го апреля, т. е. месяц спустя после того, как состоялось это „решение". Казачий корпус полностью находился в руках немцев, и ген. Власов, как главнокомандующий, никак не мог влиять на него.

Таким образом, наиболее реальные силы, т. е. 1-ая дивизия и, особенно, Казачий корпус, фактически не находились в руках ген. Власова. Гарнизоны Мюнзинген и Хойберг представляли собой относительно организованную, но безоружнуу, толпу людей общей численностью в 23 тысячи человек.

Итак, что делать? Этот вопрос занимает умы всех. Могла быть (и обсуждалось) несколько решений.

1. Гарнизонам Мюнзинген и Хойберг оставаться на месте и ждать прихода союзников. Но это озна-

чало открыто показать неповиновение немцам, а у них есть достаточно сил, чтобы расправиться с „непокорными".

2. Организовать восстание в этих гарнизонах, захватить оружие (которого, кстати сказать, было очень мало в гарнизонных складах) и отойти в Альпы. Но даже при успехе восстания возникал вопрос, что будет с 1-ой дивизией? На фронте много СС"овских частей, и они задавят ее, прольется много нашей крови, а главное, при таком образе действий, все силы РОА будут распылены.

3. Первой дивизии открыто повернуть оружие против немцев и продвигаться на юг и юго-запад, укрываясь в горы. Но, опять-таки и во втором варианте, силы РОА будут разобщены и, кроме того, безоружные гарнизоны Хойберга и Мюнзингена окажутся под угрозой жестокой расправы со стороны рассвирепевших немцев.

4. Добиться согласия немцев на снятие 1-ой дивизии с фронта и на отвод ее на юго-запад, примерно в район южнее Праги, куда должны также сосредоточиться части Мюзингена и Хойберга. После соединения всех частей, можно будет принять и окончательное решение.

Первые три варианта базировались на том, что немцы не в состоянии оказать должного сопротивления, поскольку они буквально стоят на краю гибели. Их капитуляция — вопрос ближайших дней. Последнее решение исходило также из того, что немцы обречены на гибель, но они в состоянии про-

держаться сперва на юге еще полтора — два месяца.

В конце-концов был принят четвертый вариант, тем более, что немцы неожиданно достаточно охотно согласились на снятие с фронта 1-ой дивизии.

Таким общим сборным пунктом, куда должна была отойти 1-ая дивизия и подойти остальные части, был намечен район города Рид (Ried).

Вообще говоря, все эти варианты решений принимались по „наитию". Штаб РОА, кроме случайных и устаревших газет, другой информации об общем положении не имел, если не считать нескольких радио-приемников, имевшихся в гарнизонах.

III. ПОХОД В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

7-го апреля была закончена выработка плана передислокации частей Мюнзингена и Хойберга в район г. Рид. Выступление было назначено в ночь на 13-ое апреля, но после перенесено и движение началось из Хойберга 18-го, а из Мюнзингена 17-го апреля. Марш частей совершался в ночное время, по 28-32 клм. в ночь. Из-за отсутствия обоза, продовольствия при частях не было, и они должны были получать его из немецких складов по пути следования. Движение совершалось по трем маршрутам, с постепенным уклонением к юго-востоку, в обход с юга озер, расположенных юго-западнее Мюнхена (озеро Аммерзее, Штамбергезее) так, чтобы в случае необходимости, резко повернуть на юг к Альпам.

Как уже сказано, формальным основанием похода ставилась задача выхода в район гор. Рид, куда подойдет с Фронта и 1-ая дивизия. Негласным

же мотивом похода была идея сбора всех частей в одно место (или, во всяком случае, быть ближе друг к другу, затем, порвав с немцами, повернуть на юг в горы, на соединение с казаками, вместе с ними занять все горные проходы и вступить в переговоры с англо-американским (точнее с американским) командованием по вопросу дальнейшего использования частей РОА для борьбы против советских войск.

Намечалось, что, как только будут принято решение о повороте в Альпы, то сразу придется войти в столкновение с немецкими частями и, разоружая их, вооружить 2-ую дивизию, офицерскую школу и бригаду. У местного населения в это же время взять необходимое количество продовольствия и транспорта. Для подготовки казаков к такому прицинпиальному решению, к ним был послан ген. Жиленков с группой офицеров из так. наз. Казачьего Управления, находящегося при главном Штабе РОА. Жиленков выехал к казакам 22-го апреля (когда части уже были на походе), но ему доехать до места не удалось.

О марше безоружных частей РОА, с женщинами и детьми, при явной недостаче питания, надо говорить отдельно. Из состава запасной бригады осталось на месте (в Мюнзингене) более 2000 человек, которые, благодаря общему истощению, не могли следовать походным порядком.

По пути следования везде был виден явный развал немецких частей. В любом лесу, в населенных пунктах части РОА подбирали брошенные немцами винтовки, автомашины, панцер-фаусты,

патроны и т. д. В частях по-прежнему плохо обстояло дело с продовольствием и обмундированием. Складские чинуши никак не хотели выдавать продовольствие и обмундирование без „по настоящему оформленной" накладной, хотя на другой или на третий день эти склады взрывались или сжигались.

В эти дни 1-ая дивизия, походным порядком, при явном или двусмысленном недружелюбии фронтовых немецких частей, особенно СС"овцев, медленно продвигалась на юго-запад, в направлении Праги. В одном месте части дивизии проходили расположение СС"овцев в боевом порядке, в готовности к немедленному действию. В другом месте произошла небольшая стычка частей дивизии с немцами. В тоже время были случаи, когда немецкие солдаты говорили: „Русские, куда вы идете? Неужели вам хочется еще воевать? Вы только затягиваете неизбежный конец..."

На походе к частям РОА присоединялись военнопленные красноармейцы из различных рабочих команд и ОСТ"овские рабочие. Присоединялись они, главным образом, не потому что разделяли идеи РОА, а только потому, чтобы „быть вместе со своими русскими...". Там, где в лагерях военнопленных была еще немецкая охрана, части РОА разгоняли ее и освобождали пленных. Недалеко от Ландсберга (зап. Мюнхена) была освобождена большая группа заключенных, бывших военнопленных красноармейцев, которую немцы под сильным конвоем вели куда-то на восток. На ст. Каплиц (Чехия) были освобождены 800 человек кацетников (русские, поляки, французы, бельгийцы и др.), ко-

торые под сильной охраной следовали поездом по железной дороге. В районе Швайниц (Чехия) части 2-ой дивизии вели перестрелку с СС"овцами, в результате которой были убитые с обеих сторон. Части 2-ой дивизии взяли здесь много оружия. Наиболее красочным показателем отношения частей РОА к немцам являются боевые действия частей 1-ой дивизии в Праге, когда они пришли на помощь восстанвшим чехам.

Если 1-ая дивизия продвигалась к намеченному району сосредоточения в относительно „глубоком" тылу, то у частей, следовавших из Мюнзингена и Хойберга, американцы буквально сидели на „хвосте". По достижении района Мемингена стало ясно, что от американцев не уйти. Подходя к Ландсбергу, части часто слышали пулеметную и артиллерийскую перестрелку в том районе, где они были вчера.

В эти дни (24-27 апреля) вновь встали вопросы: идти дальше или оставаться на месте? Поворачивать на юг или двигаться вперед? Было принято решение двигаться вперед, чтобы соединиться с 1-ой дивизией.

Немецкому полковнику (представитель ген. Кестринга) удалось получить семь эшелонов, в которые были погружены все части и по железной дороге отправлены дальше.

По распоряжению ген. Кестринга, эшелоны были направлены не в район г. Рид, а в район г. Линца, где они и были выгружены. Ген. Кестринг, при встрече с ген. Трухиным, 29 апреля сообщил: „Всё это сделали с полного согласия А. А. Власова, ко-

торый был у меня вчера 28 апреля. Некоторые эшелоны находились еще в пути, а первые уже выгрузились и походным порядком следовали на север от Линца, по дороге Линц-Будвайс. С севера через Прагу должна была подойти 1-ая дивизия..." Точное местоположение 1-ой дивизии Кестринг 30 апреля не знал.

Таким образом, части 2-ой дивизии, школы, бригады и Штаба Армии также оказались разобщенными друг с другом и ни о каком повороте их на юг не могло быть и речи. Ген. Трухину ничего не оставалось делать, как только примириться со сложившейся обстановкой и дать приказ остальным выгрузившимся частям двигаться на север, где попрежнему маячила надежда на соединение с вооруженной 1-ой дивизией, но в то же время приходилось удаляться от гор.

IV. ПЕРЕГОВОРЫ С АМЕРИКАНЦАМИ

1, 2 и 3 мая части двигались на север от Линца двумя колоннами. На левом маршруте находился Штаб армии и офицерская школа, а по правому шла дивизия, бригада и строительный б-н, которые имели задачу выйти в район Гратцен и Виттингау.

Несмотря на то, что части были переброшены на значительное расстояние по железной дороге (Мюнхен-Линц), всё же 2-го мая американские войска вновь нагнали их. Они были на расстоянии 30-35 клм., т. е. одного перехода.

3-го мая вечером ген. Трухин (в деревне Райнбах, южнее Каплиц) пригласил к себе на совещание своих заместителей ген. Б[оярского] и полковника Н[ерянина], сказав им: „Мы всё время стремились на соединение с 1-ой дивизией. Цель этого для вас ясна. Сегодня, однако, мы должны признать, что соединиться не успеем, да и положение 1-ой диви-

зии нам неизвестно. Связи с Андреем Андреевичем [Власовым] нет. Сегодня на поиски его выехал ген. Ш [аповалов]. Что делать? Итти ли вперед, повернуть назад к Линцу, или войти в немедленные переговоры с американцами о переходе нашей группы к ним, независимо от 1-ой дивизии?"

После короткого обмена мнениями, пришли к решению о немедленном вхождении в связь с американским командованием. Выполнение этой задачи было возложено на ген. А[ссберга] и полковника П[озднякова], которые должны проникнуть через линию фронта (кстати сказать очень прерывчатого) к американцам. Здесь же совместно было написано полномочие полковнику П[озднякову].

Полномочие написано от имени Комитета Освобождения Народов России и датировано 5 мая 1945 года. Оно гласило: „Генерал-майор Русской Освободительной армии А[ссберг] и полковник П[оздняков] в сопровождении адъютанта генерала А[ссберг], — поручика Б[уткова], переводчика С[мирновой] и шофера Г[ансволь], следуют в расположение союзных англо-американских войск с предложением о переходе частей РОА на сторону союзных войск.

Комитет Освобождения Народов России уполномачивает генерала А[ссберга] и полковника П[озднякова] войти в связь и вести переговоры о порядке перехода войск РОА на сторону союзных англо-американских войск.

Комитет Освобождения Народов России заявляет, что войска Русской Освободительной ар-

мии не ставили своей целью вооруженную борьбу против союзных англо-американских войск и поэтому все части РОА, при всех условиях, ни в какие боевые столкновения с англо-американским войсками входить не будут".

Текст полномочия написан на французском языке. Подписали: Ген. Трухин, как член президиума комитета и как заместитель главнокомандующего войсками РОА, члены комитета генерал М[еандров], генерал Б[оярский], доцент М[узыченко] и доцент Г[речко].

Делегаты ген. А[ссберг], П[озднякoв] выехали из Райнбаха вечером 4-го мая по дороге на Хохенфурт и далее на Киршлаг с тем, чтобы к рассвету 5-го мая оказаться в расположении американских войск. Действительно, просидев ночь в одном лесу, делегаты миновали редкие немецкие патрули и оказались перед американскими заставами. Их немедленно направили в Киршлаг, где находился в то время штаб 11-ой танковой дивизии американских войск (командир дивизии ген. Дегер).

6-го мая около 13 час. дня делегаты возвратились и прибыли в штаб (штаб с утра 5-го мая находился в деревне Разбоден в Чехии) с ответом американских военных властей. Документ от имени американского командования подписал генерал Дегер, командир 11-ой танковой дивизии, входившей тогда в состав 3-ей американской армии.

Ответ был составлен также на французском языке и состоял из 6 пунктов. К документу приложена карта 50.000 масштаба с указанием маршрута

предполагаемого движения частей РОА и с указанием района их сосредоточения. Документ подписан в Киршлаге 6-го мая в 10 час. 20 мин.

Текст его:

1. Войска Русской Освободительной Армии должны немедленно прекратить всякую борьбу и освободить всех военнопленных союзных войск, если таковые у них имеются.

2. Всё боевое имущество, оружие, снаряжение, транспорт и проч. должно быть сохранено в полной исправности.

3. Указанное выше имущество и оружие должно быть взято с собой, а не оставлено на месте или передано в руки немецких частей.

4. Собрать все части в один общий район, откуда они должны быть направлены в новый район, как это указано в прилагаемой карте.

5. Переход в указанный район должен совершаться только днем, одной колонной, имея ясные опознавательные знаки.

6. Эти условия являются предварительными и подлежат, если это будет необходимо, изменениям со стороны вышестоящих инстанций союзного командования.

Ответ на поставленные условия должен быть дан не позже 36 часов, считая с 18.00 час. 6. 5. 45.

При переговорах с нашей делегацией, генерал Дегер, якобы, сказал (как о том рассказывал полковник П[оздняков], что он, в соответствии с ука-

заниями штаба 3-ей армии, гарантирует невыдачу частей РОА в руки советских властей только **пока длится война.** Окончательное же решение вопроса о частях РОА, **сдающихся в плен,** зависит не от военного командования, а от правительства. После войны на основе мирных соглашений и договоров и определится судьба войск РОА. О подобном заявлении генерала Дегера полковник П[оздняков] информировал генерала Трухина и впоследствии ген. Меандрова. В свете этого (нынешнего) свидетельства, полковник П[оздняков] в ином освещении видит роль ген. Меандрова. Странно, что ген. Меандров, зная о подобном заявлении ген. Дегера, никогда и нигде о нем не говорил, наоборот, он всегда и неизменно подчеркивал, что части РОА никогда не могут быть выданы, что ни один из американских офицеров не сделал даже подобного предположения. Странно и то, что генерал Трухин, выезжая 6-го мая на поиски ген. Власова, также никому ни слова не сказал, что части РОА должны **сдаться в плен без гарантии, что их не выдадут после окончания войны.**

Внимательное изучение текста приведенного выше договора, подписанного ген. Дегером, не дает оснований утверждать: выдадут или не выдадут. Правда, пункт 6-ой этого текста дает право высшему американскому командованию принять в последующем любые решения в отношении частей РОА, независимо от того, согласны они будут с ним или нет.

За время 3-6 мая в южной группе войск РОА произошли следующие события.

3-го мая на поиски Андрея Андреевича Власова выехал ген. Ш[аповалов], который из района Дойч-Брод вылетел на самолёте, якобы, в район Праги и видел там ген. Власова. Генерал Ш[аповалов] прислал в штаб 5-го мая письмо им собственноручно написанное, в котором он говорил, что ген. Власов требует немедленно форсированным маршем двигаться к Праге на помощь 1-ой дивизии. Генерал Ш[аповалов], а также и ген. Власов, не знали, что 4-го мая Трухин выслал делегатов к американцам. Движение на север при этих условиях было совершенно невозможным. Американское командование усмотрело бы в факте посылки делегации при одновременном движении частей на север, нелогичность и непоследовательность и вероломство. Кроме того, между северной и южной группой войск было расстояние около 150 клм, на преодоление коих потребовалось бы не менее 4-х переходов при обоюдном движении обеих групп навстречу друг другу.

События в Праге, о чем в штаб поступили крайне неопределенные слухи, исходившие от местного чешского населения, вечером 3 и утром 4 мая, казались неправдоподобными. Генералу Трухину представлялось невозможным ввязыватся в данный момент в какие-нибудь активные действия. В разноречивых пражских радиопередачах 5-го мая сообщалось, „что власовцы ведут бои в Праге с СС"овцами". Одновременно радио призывало на помощь Праге „власовцев, американцев, англичан, „доблестную Красную армию" и т. д.

Местные чешские националисты предлагали 5 и 6 мая Трухину предоставить в его распоряжение

20-30 грузовых автомашин, на которых можно было бы перебросить к Праге часть войск южной группы. Трухин отклонил эти предложения. По разведывательным данным было известно, что советские войска, не встречая сопротивления немцев, быстро продвигаются на запад и через 3-4 дня их части будут в расположении наших частей, а в Праге и того раньше.

Письмо, присланное генералом Ш[аповаловым], вызвало сомнение генерала Трухина в том, что не написано ли оно самим Ш[аповаловым] без санкции генерала Власова. Возможно, что Ш[аповалов] действительно был в районе Праги, виделся там с командиром дивизии и они, две горячие головы, решили подтянуть южные группы к Праге форсированным маршем.

По более поздним сведениям, пока еще мало проверенным, известно, что генерал Ш[аповалов] действительно видел Власова, но генерал Власов предлагал выдвигать южную группу не на север, а почти на запад в Богемские леса, куда, по возможности, будет отходить и 1-ая дивизия.

Во всяком случае генерал Трухин выслал 5-го мая 1945 г. в Прагу на поиски ген. Власова своего 1-го заместителя Боярского Владимира Ильича, который должен был доложить всю обстановку Власову и получить от него дальнейшие указания.

6-го мая, как уже сказано, возвратилась делегация с ответом от американского командования. Генерал Трухин, не решавшийся подписать договор без санкции Власова, решил сам поехать в Пра-

гу, чтобы предложить Власову подписать текст соглашения о переходе всех войск РОА, в том числе и казаков, на сторону американских войск.

Второй заместитель генерала Трухина полковник Н[ерянин] настоял перед Трухиным, чтобы он подписал один экземпляр договора и оставил этот подписанный экземпляр у него. Трухин согласился и подписал, как заместитель главнокомандующего, датировав его 6-го мая. Этот документ остался у полковника Н[ерянина], а второй, неподписанный экземпляр, генерал Трухин взял с собой, чтобы он был подписан генералом Власовым.

Генерал Трухин, также, как ген. Б[оярский] и Ш[аповалов], больше к частям не возвратились. Генерал Трухин, по официальным московским сообщениям, казнен в СССР, а судьба генералов Б[оярского] и Ш[аповалова] — неизвестна. Есть данные, что они оба погибли 7-го мая 1945 года.

Срок ответа, который должен быть дан частями южной группы истекал в 6.00 8. 1. 45. В ночь на 8 мая полковник Н[ерянин] выслал к командиру 11 танковой дивизии вторую делегацию с текстом (1 экземп.) соглашения, подписанного ген. Трухиным. Вторая делегация была снабжена следующим документом: „На основании соглашения между американским командованием и комитетом Освобождения Народов России, подписанного начальником Штаба ВСКОНР генералом Трухиным, группа офицеров, предназначенная к роли квартирьеров (перечислены фамилий восьми офицеров), следует в расположение 11 танковой дивизии 3-ей армии для вру-

чения соглашения и получения дальнейших указаний.

Подписал заместитель Начальника Штаба ВСКОНР полковник Н[ерянин]

Как известно, с 00 часов 8 мая немцы согласились на капитуляцию. (общая капитуляция была подписана с 00 часов 9-го мая). Генерал Дегер, снесясь со Штабом 3-ей американской армии, заявил нашим делегатам, что война окончена и договор подлежит изменению. Делегаты вполне резонно стали доказывать, что документ был подписан обеими сторонами 6-го мая и он представлен еще до истечения указанного американцами 36-часового срока, и поэтому этот документ должен иметь законную силу. Части РОА никак не могли знать 6-го мая, что война будет прекращена 8-го мая. Генерал Дегер согласился с этими доводами, но на основании условий капитуляции всех сил, находящихся под прямым или косвенным управлением немецкого командования указал, чтобы части РОА оставались в занимаемых ныне районах. К письменному документу, врученному делегатам, ген. Дегер добавил устно, что если части не выполнят требование оставаться на месте и начнут какие-то ни было передвижения, то против них, без предупреждения, будет открыт огонь. Они будут также подвергнуты авиационной бомбежке.

Текст второго документа ген. Дегера, следующий:

QUARTIER GENERAL,
Ue Division Blindee Americaine.*)
Kirchschlag, le 8 Mai, 1945
Ordres et instructions
au
Comite pour la Liberation des Peuples de la Russie

1. Les Etats Unis d'Amerique, le Royaume Uni de Grande Bretagne et l'Union des Republiques Sosialistes Sowietique ont accepte l'offre de reddition generale sans condittions de toutes les forces armees operant sous le controle direct et indirect du Haut Commndment Allemand, prenant effet a 0001 heures le 9 mai, 1945.

2. Cet ordre de reddition general supercede les termes de reddition datant du 6 mai, 1945. Ce changement est prevy par le paragraphe 6 des susdits termes de reddition.

3. D'apres les termes de reddition general le Commandant en Chef des Forces Armees des Nations Unies vous ordonne de garder vos armes de rester dans vos secteures et installations actuelles et d'attendre la pour des ordres et instructions subcequents qui vous seront transmis par un represantant du Commendant en Chef des For ses Armees des Nations Unies.

Fait par Ordre du Generalmajor
Dager

E. T. Conley
Col. d'EM
Chef d'Etat Major de Division

---

*) Документ публикуется без поправок, таким каким он был составлен.

V. ПЕРЕХОД НА АМЕРИКАНСКУЮ СТОРОНУ

Итак, южная группа войск оказалась между молотом и наковальней. С востока приближаются танковые и моторизованные советские части, а на западе стоят американцы и предлагают „оставаться на месте", иначе будет открыт огонь.

По ходу событий можно было сделать предположение, что демаркационной линией между советами и американскими войсками будет шоссе Линц-Будвайс. Прага примыкает к этому шоссе, но не переходит его, в то же время советские части двигаются безостановочно на запад. По сведениям, получаемым по телефоной сети от местного бургомистра, известно, что части Красной армии днем 8-го мая находились в 40-50 клм от 2-ой дивизии. Ясно, что через сутки они будут в расположении южной группы и в первую очередь в расположении 2-ой дивизии и бригады. Что делается в 1-ой дивизии в районе Праги — неизвестно. Генерал Тру-

хин, ген. Б[оярский], уехавшие к Праге, — не возвратились. Радио Праги передает: „части доблестной Красной армии пришли на помощь Праге".

8-го мая, после возвращения второй делегации от ген. Дегера, заместитель ген. Трухина, полковник Н[ерянин] принял решение, не считаясь с приказом американских властей оставаться на месте, двигаться на американскую территорию до тех пор, пока американцы не остановят, лишь бы уйти из района, который по демаркационной линии отойдет, видимо, в советскую зону. Выступление намечено на 9-ое мая открыто днем по одной дороге Каплиц-Крумау-Кирилач.

Начальник офицерской школы генерал Меандров согласился и на основании этого штаб, офицерский резерв, офицерская школа выступили в 13 часов 9-го мая из деревни Нетребице и Розбоден в направлении Мирковиц-Крумау. В Крумау части были остановлены американцами. Комендант города и командир 104 пехотного полка полковник Хендфорд отвели для размещения частей городской парк, где они пробыли 36 часов, а утром 11 мая перешли в деревню Кладен — 5 клм. югозападнее Крумау. Переход на американскую сторону был совершен в полном порядке, с оружием, без особых потерь отставшими и оставшимися.

Также более или менее благополучно осуществила переход на американскую сторону запасная бригада. В бригаде к 5-му мая было немногим более 2000 человек, поскольку она половину потеряла отставшими во время марша. Командир бригады получил 7-го мая предварительный приказ, а

8-го мая приказ с указанием маршрута движения, своевременно выступил с места стоянки, а на самом марше, выехал вперед и имел 9-го мая личную встречу с полковником Н[еряниным], когда тот вел колонну. Бригада вышла 10-го мая в район Фридберга, где и была остановлена американскими военными властями. Бригада пришла в Фридберг, имея 1500 человек. Наибольший урон в дни 9-10 мая понесли части 2-ой дивизии, по вине ее командира генерала Зверева.

Зверев хорошо был осведомлен о движении советских частей. Еще 6-го мая он получил приказ от генерала Трухина собрать дивизию кучнее и подтянуть ее к району расположения Штаба и офицерской школы. 7-го мая этот приказ от имени генерала Трухина подтвердил Звереву полковник Н[ерянин] 8-го мая, когда было принято решение уходить на американскую сторону, генерал Зверев был в Штабе армии. После краткого совещания — Меандров, Зверев и полковник Н[ерянин] согласились с необходимостью оттянуть 2-ую дивизию. В 18 часов 8-го мая генералу Звереву был послан официальный приказ на марш с указанием маршрутов. Приказ был получен в штабе дивизии в 20 часов 8-го мая. В 4.00 9-го мая к ген. Звереву был послан старший офицер штаба майор Ш[ейко] с требованием немедленного выступления дивизии. Несмотря на столь неоднократные приказы, ген. Зверев не выполнил их и задержал выступление дивизии до 3 ч. утра 10-го мая, когда она двинулась уже, помимо его воли, по настоянию Начальника Штаба полковника Б[огданова]. Было уже поздно. Дивизию настигли советские части (297

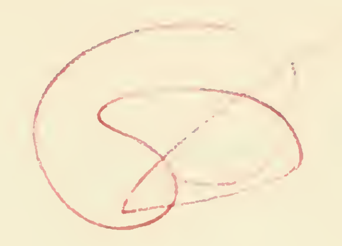
стр. дивизия), с которыми вперемежку она и совершила марш днем 10-го мая. Надо сказать, что советские части, имея, видимо, приказ о достижении определенных рубежей, в столкновении с частями 2-ой дивизии не входили. Ген. Зверев, как обычно, а в эти дни особенно, был всё время пьян. Сознательно ли он хотел дождаться советских войск — неизвестно. Правда, советский представитель, приезжавший в Кладен 25-го мая, обмолвился знаменательной фразой: „Генерал Зверев у нас, — он говорит, что всю дивизию хотел перевести на советскую сторону". Ныне, согласно официальному Московскому извещению, известно, что генерал Зверев был казнен в СССР.

В течение 10-го мая остались в руках советских войск полностью 2-ой полк дивизии, (?) полк снабжения, кавал. дивизион, часть других полков и отдельных батальонов.

12-го мая, когда Штаб и офицерская школа разместились в Кладене, к ним присоединились остатки 2-ой дивизии всего лишь в числе 2200 человек; самостоятельной дорогой пошла в американскую зону группа 700 человек 1-го полка дивизии. Эта группа была размещена американцами в деревне Верх. Лангедорф (5 клм. северо-западнее Фридберга). Таким образом, от 16.000 человек, бывших 8 мая в дивизии, осталось всего лишь около 3000 человек, а от всей южной группы, насчитывавшей около 25.000 чел., осталось 7200: Один полк дивизии — 720, остальные полки — 1200, арт. полк — 540, прочие части дивизии — 1440, Штаб армии — 750, офицерская школа — 700, запасная бригада —

1500, отдельн. строит. — 350 человек. Это количество людей составило впоследствии „группу войск РОА генерала Меандрова", (полковник Н[ерянин] 10-го мая предложил генералу Меандрову возглавить оставшиеся части, а сам остался при нем Начальником Штаба).

„Группа войск ген. Меандрова" была наиболее крупной из всех групп РОА, оказавшихся в американской зоне (не считая казачьи войска) и судьба ее была наиболее трагичной.

VI. СУДЬБА ОСТАЛЬНЫХ ГРУПП ВОЙСК РОА

1. **1-ая дивизия.** Из состава 1-ой дивизии уцелели и спаслись буквально одиночные люди. После боя с СС"овцами в Праге и ее окрестностях, ввиду приближения к Праге советских частей, дивизия начала отходить от города в юго-западном направлении, но в это же время (7 и 8 мая) к Праге приблизились американские войска, которые не пропустили дивизию через свои расположения. Начались беспорядочные поиски выхода. Был отдан приказ расходиться по группам и группами и одиночным порядком проникать через американские линии. Однако советские части вошли в соприкосновение с частями 1-ой дивизии и она полностью попала в их руки.

2. **Группа генерала Мальцева.** Эта группа отходила из района Карлсбада и Егера. 28-го апреля она, во главе с генералом Мальцевым, перешла в качестве военнопленных, без предварительного контакта,

на сторону американских войск. Офицеры сразу же были отправлены по различным лагерям. Часть из них попала в Шербург, оттуда большинство впоследствии было выдано на советскую сторону. Солдаты также находилсь в разных лагерях, но одна группа в количестве 450 человек была присоединена в Регенсбургском лагере к бывшей группе войск ген. Меандрова.

3. **Казачий корпус.** К началу мая месяца 1945 года (Целье) корпус только что выходил из боев, сосредоточиваясь в районе Целье (сев. Аграма)-Вараждин-Копривница. Корпус имел 40-45 тысяч человек (1 каз. дивизия, командир полковник Вагнер: 1-ый Донской полк, 2-ой Сибирский полк, 4-ый Кубанский полк; 2-ая казачья дивизия, командир полковник Шульц: 3 Кубанский полк, 6 Урало-Терский полк, 7 казачий полк, Пластунская бригада, 5 Донской полк, 8 Донской полк и Разведывательный дивизион). Кроме того, в районе Тарасента Удине находилась так называемая Домановская группа или Домановская дивизия, в составе 4-х полков и одно офицерское училище. В станицах при них находилось еще около 12-13 тысяч человек. Всего в Домановской группе было 20.000 человек. Вся казачья группа состояла из 60-65 тысяч человек. После капитуляции Германии корпус постепенно отходил в Сев. Италию, сохраняя оружие, но скоро был вынужден сдать его. Солдаты и офицеры попали в лагерь военнопленных, откуда они, при исключительно трагичной обстановке, были выданы на советскую сторону.

4. Военные организации ген. Туркула (формально

в состав РОА не входили). Начали формироваться в апреле месяце 1945 года в виде отдельных полков в Линце, Лублянах, Виллахе и Зальцбурге. Наиболее сильный был полк, формировавшийся в Линце (около 1000 человек, имевший 100 винтовок, 9 ручных и 3 станковых пулемета, 1 миномет).

Часть этих Туркуловских организаций (в количестве 100 человек) была присоединена к группе войск ген. Меандрова в лагере Ландау (июнь 1945 год). В массе своей военные формирования ген. Туркула, в момент капитуляции, самораспустились и только часть солдат и офицеров попала в лагерь военнопленных, в том числе и в лагерь Бад-Айблинг.

Хронологически дальнейшее существование группы ген. Меандрова следующее:

9-11 мая 1945 г. — перешли на американскую сторону Штаб офицерской школы, Запасная бригада, 1-ый полк дивизии.

12-го мая. — В Кладен пришли остатки 2-ой дивизии.

16-го мая. — Сдали оружие. Оставлено оружие у старших офицеров и по 1 винтовке на роту, батарею.

26-го мая — перешли в Фридберг.

27-го мая — Соединились с Зап. бригадой и группой 1-го полка.

28-го мая — перешли в лагерь Ганакер (Ландау) — Бавария.

12-го июня — в лагерь Ганакер прибыла группа

в 600 человек, так назыв., Сводного полка (Туркуловской организации).

28.5 — 18.8. — Лагерь Ганакер, группа сохранила полностью всю свою войсковую организацию.

7 августа — Из лагеря увезены шесть генералов РОА.

18 августа — Солдат и офицеров разделили. Офицеров увезли в лагерь Регенсбург, солдат в лагерь Зонненддорф.

12-13 сентября — из лагеря увезли группу офицеров бывших югославских подданных или проживавших в Югославии для передачи в руки югославских властей. Группа не была выдана в результате ее резкого отказа, она впоследствии перевезена в Платтлинг.

18 сентября — В лагере Регенсбург присоединили группу в числе 450 человек из бывших войск генерала Мальцева.

Октябрь — Солдаты из лагеря Зонненддорф переведены в лагерь Платтлинг.

Ноябрь 19 — Солдаты и офицеры переведены из лагеря Регенсбург в лагерь Платтлинг.

Декабрь 5-6. — Прибыла группа солдат и офицеров в числе 450 человек, находившихся на сельскохозяйственных работах в Баварии.

Январь 19, 1946 г. — из лагеря Дахау выбыла в Советский Союз группа в 250 человек.

Февраль 5-14 1946 г. — В лагере Платлинг работает комиссия.

24-го февраля. — Из лагеря Платтлинг вывезена в Советский Союз группа в 1500 человек.

Март — Часть военнопленных, старых эмигрантов, получила отпускные документы.

9-го мая — группа в 800 человек вывезена в лагерь Бургау.

13-го мая — Из Платтлинга выдана в Советский Союз вторая группа.

21 июля. — Группа из Бургау переведена в лагерь Айблинг.

2-го августа. — Сообщение из Москвы о казни Власова, Трухина, Малышкина, Зверева, Мальцева, Буниченко, Благовещенского, Корбукова, Шатова, Желенкова, Меандрова.

25 августа. — Из Бад-Айблинга выдана в Советский Союз третья группа РОА в количестве около 300 человек.

21 октября — Выдана в Советский Союз группа из лагеря Марбург (114 ч.)

23-го ноября — выдана в Советский Союз группа, собранная из разных лагерей (30 чел.).

VII. В ГРУППЕ ВОЙСК ГЕНЕРАЛА МЕАНДРОВА

Дальнейшее изложение трагичной судьбы бывших военнослужащих РОА, будет относиться к группе войск генерала Меандрова.

Благополучный переход на сторону американских войск, благожелательный прием, оказанный американскими официальными лицами, и то, что американцы оставили всё оружие, имевшееся в частях (а его к этому времени было вполне достаточно), отсутствие какой бы то ни было охраны со стороны американцев и вполне недвусмысленное заявление со стороны американских офицеров о том, что в самое ближайшее время все военнослужащие РОА будут „демобилизованы" и переведены на гражданское положение — всё это вселяло радужную надежду и веру в торжество демократических принципов.

Свою жизнь группа войск генерала Меандрова начала в обстановке полной уверенности в том, что

солдаты и офицеры не будут выданы в руки советских властей и в ближайшие дни они смогут начать трудовую жизнь, готовясь к дальнейшей борьбе за торжество идей, ради которых они отказывались от Родины, семьи, не устрашась клейма „изменник".

13-го мая 1945 года был издан первый приказ. Вот он:

ПРИКАЗ
Воинским частям РОА
№ 15 Кладен

В результате окончания войны, войска Русской Освободительной Армии, в своем значительном большинстве, перешли на сторону американской армии.

Наша судьба находится в руках правительств Америки и Англии. Мы глубоко уверены, что демократические правительства этих стран дадут нам приют и не передадут нас Советскому правительству, так как мы не преступники, а политические борцы, поднявшие знамя борьбы за национальную демократическую Россию.

Мы уверены, что свободолюбивые народы мира правильно оценят наши национальные устремления и помогут нам.

В этот тяжелый период, когда решается наша личная судьба и судьба нашего Освободительного Движения, я призываю всех вас к спокойствию и требую соблюдения строжайшего порядка в районах расположения.

Приказываю:
1. Привести в порядок войска, собрать подразделения, учесть весь личный состав, лошадей, транспорт, продовольствие. Организовать службу внутреннего наряда. Особое внимание обратить на внешний солдатский вид.

Организованность и дисциплина помогут нам проложить дорогу к жизни и борьбе.

2. В лагерном и квартирном расположении войск установить границы, за пределы которых запретить выход. Воспретить посещение крестьянских дворов и различные торговые и обменные сделки с крестьянами. Крайне бережно относиться к посевам и пастбищам, не нанося ущерба крестьянским хозяйствам.

3. В период времени от 21.00 до 7.00 воспретить выход из расположения своих подразделений.

В обращении с местным населением быть вежливыми и немедленно пресекать самые малейшие недоразумения, могущие возникнуть с местным населением.

Вр. Командующий войсками РОА ген. Меандров
Начальник Штаба полк. Нерянин

Физическая радость и душевное успокоение охватило всех, от генерала и до солдата, после благополучного перехода остатков частей РОА на сторону американских войск. У всех приподнятое настроение. Да и было от чего. Начиная с того, что когда проходили Круммау, солдаты и офицеры видели на площади этого маленького городка горы винтовок, пулеметов, патронов и пр. боевого иму-

щества и снаряжения. Тут же собирались колонны военнопленных немцев, которых под конвоем куда-то уводили. И в это же время части РОА проходят Круммау с развернутыми знаменами, с песнями и... с оружием в руках.

Американские регулировщики стоят на повороте улиц и указывают путь движения.

— Нет, это не плен, — часто можно было услышать слова разговаривающих солдат и офицеров.

— Это вам не Советский Союз, — добавлял кто-нибудь. — Здесь демократы, и они понимают, кто мы такие и почему мы взялись за оружие...

Полковник Хендфорд, командир 104 пехотного полка американских войск, на участке коего расположились части РОА, на второй или на третий день после прихода в дер. Кладен заявил: „В ближайшее время все вы будете демобилизованы и самое позднее через две недели будете переведены на гражданское положение. Ни о какой насильственной или принудительной выдаче вас в руки советских властей не может быть и речи"...

Передавал ли полковник Хендфорд свое мнение, или его слова были мнением высших сфер — неизвестно. Однако, на прямо поставленный ему вопрос об этом, он ответил: „Задержка с вашим роспуском на две недели объясняется необходимостью получения подробных указаний в отношении вас из Главной Квартиры. Да и, кроме того, мы не в состоянии немедленно дать вам работу, вы сами понимаете, что люди пойдут по ложному пути"...

Были, конечно, среди офицеров люди, которые не очень то были склонны успокаиваться заверениями полковника Хендфорд. Так, например, полковник Н[ерянин] сказал генералу Меандрову, что „нам вовсе не следует обольщаться словами Хендфорда и не исключена возможность насильственной выдачи всех, или части из нас, на советскую сторону, поскольку полковник Хендфорд и другие американские офицеры, с коими нам приходится говорить, являются всего-навсего простыми исполнителями, они сами ничего не решают и решить не могут. Вопрос о нас в американских верхах еще не решен".

На эти слова полковника Н[ерянина] со стороны генерала Меандрова последовал ответ: „Ну уж, если и при этом благожелательном отношении к нам, не верить слову американских офицеров, то после этого и жить не стоит".

В смысле переоценки „доброжелательности" американцев к РОА, генерал Меандров явился для частей роковой фигурой. Он сам безгранично верил в **справедливость** западной американской демократи и в этом направлении действовал на солдат и офицеров.

Правда, будет уместным отметить, что солдаты и офицеры сами были достаточно убеждены, что американцы не передадут их на советскую сторону. Кроме того, тайная мысль, что руководство РОА имело негласную связь с англо-американским кругами, довлела над большинством... А сам генерал Меандров в своем письме в начале февраля месяца

1946 года, когда он находился в лагере Ландсгут, писал, что в гибели виновато руководство, не предпринявшее реальных шагов для завязывания реальных связей с англо-американскими военными кругами.

Что же касается „доброжелательности" к нам со стороны американских солдат, то были курьезные и грустные моменты.

При первых встречах с солдатами и офицерами РОА, американские солдаты, узнав, что мы русские, немедленно расплывались широкой улыбкой. Хлопали по плечу. „О, Рашен, Рашен", совали в руки сигареты, бисквиты, шоколад и вообще оказывали всякие знаки внимания. Но как только до их сознания доходило, что эти „Рашен" т. е. русские, не те русские, о которых они думали, как сразу их поведение резко изменялось. Они демонстративно повертывались спиной, перехватывали в руках оружие и, закурив сигарету, равнодушно сплевывали под ноги нашего солдата или офицера...

Именно в эти первые дни родилась фраза: „американцы пока нас не знают и не понимают, но как только они поймут, то их отношение к нам изменится". В последующем эта фраза стала звучать, как ирония и насмешка над самим собою. Если например, писалось письмо на имя американских властей, то тут кто-нибудь неизменно произносил иронически: „Ну да, американцы нас не понимают, а как поймут то'... и т. д. В лагере Ландау, летом 1945 года, дневной рацион питания был исключительно голодным. Иногда в расписании на обед значилось 5 гр. гороха на человека и 50 гр. хлеба

на сутки (и ничего больше). И вот солдат, мешая воду в котелке, а эта вода именовалась супом, подсчитывал, сколько горошин попало ему в котелок. „Ура, — кричал он, — сегодня у меня в котелке 12 горошин, а вчера было только семь. Это значит, что американцы нас, наконец-то, начинают понимать. Завтра будет наверное 15 или 18 горошин".

В отношении взглядов на РОА со стороны американских офицеров, были более серьезные симптомы. В лагере Кладен, помимо полковника Хендфорда, нас часто посещал офицер связи от 104-го полка лейтенант Кларк. С Кларком, как и со всеми американцами, неизменно заводились разговоры: что такое РОА? За что она борется? Какие ее идеи? и т. д. Однажды с м-ром Кларком приехали еще три американских офицера. Как обычно, завязалась беседа. Эти офицеры специально и приехали для этой цели. В конце беседы мистер Кларк от своего имени и от имени присутствующих офицеров заявил: „Я и мои коллеги", — говорил Кларк, — „являемся представителями интеллигентных американских кругов*) Мы многое понимаем, чего не понимают, так называемые „средние" американцы, как принято говорить в Европе. Мы сочувствуем вам и при всём нашем добром желании понять вас, мы все же вас не понимаем и не поймем никогда. Мы понимаем, что вы противники существующего ныне в России политического строя, мы признаем за вами право борьбы за изменение этого строя, более то-

---

*) Лейтенант Кларк, — сын американского генерала Кларка.

го мы, быть может, одобряем вашу борьбу, но мы не понимаем и никогда не поймем, почему вы, русские люди, пошли против своей страны в то время, когда она вела неравную борьбу против внешнего врага? Все ваши доказательства и разъяснения, мы принимаем и согласны, что у вас не было иного выхода, что вы желали выступить как „третья сила", но всё же, в этом случае, вы не имели права пойти против своих и в этом смысле ваши разъяснения звучат для нас неубедительно. Вы могли бороться до войны, должны были бороться после войны, но не во время войны. Вы носите немецкую форму, имеете немецкое оружие, получаете от немцев деньги, ибо ваши т. н. „договорные" отношения с немцами — пустая фикция, и вы сами это отлично знаете. Вам трудно разобраться во всем этом, но мы ведь знаем, что ваши же русские, с таким же значком, какой есть у вас (РОА) сражались против нас на западе. Простите нас за откровенность, но мы вашей линии поведения не понимаем и с ней категорически не согласны. Средние же американцы, которым в течение всех этих военных лет говорили о русских, плечом к плечу борющихся с нами против „наци", — вообще никогда не поймут вас, не поймут еще и потому, что экономическая и политическая борьба у нас в Америке идет по другим законам, чем у вас в России"...

Все такие разговоры проходили, конечно, келейно и о них солдаты и офицеры не знали. Жизнь переформированных частей шла обычным воинским порядком. У всех было по-прежнему хорошее настроение и виды на будущее. Все части несли собственную охрану, соблюдался внутренний рас-

порядок дня, кое-где велись учебные занятия. Был произведен выпуск в офицерской школе, закончено обучение кадетской роты. В общем шла обычная армейская жизнь. Конечно, не было и намека на какую-то охрану „военнопленных" со стороны американцев. Правда, 19 или 20-го мая в одном из окраинных домов деревни был помещен американский пост, который должен был предохранять деревню от появления в ней советских солдат, части коих стояли за рекой Молдая всего лишь в 2½ км. по прямой линии. Солдаты этого поста были неизменно выпивши, поскольку водки в деревне было еще много.

16-го мая полковник Хендфорд передал через лейтенанта Кларка приказ о сдаче оружия нашими частями. Сдаче подлежало всё оружие, за исключением 10 винтовок на роту или батарею, необходимых для самоохраны. Кроме того было оставлено личное оружие у старших офицеров. 22-го мая последовало новое распоряжение о сдаче вообще всего оружия, за исключением 25 пистолетов, оставшихся у части старших офицеров. Для этих офицеров были выданы специальные документы, служивще и разрешением на право иметь оружие:

"Headquardters 104th Inf. May 18.1945

To: All foreign troops invisinity of Kryemman.

All troops except those of General and General Staff will at once turn in all their weapons.

By order of T. Handford"

VIII. РАДУЖНЫЕ НАДЕЖДЫ

В обстановке общего оптимизма, сдача оружия прошла совершенно безболезненно, хотя сам по себе этот факт крайне симптоматичен. В эти дни впервые перед многими встал вопрос: оставаться или уходить?

Решение руководящей части офицеров сводилось к тому, чтобы спокойно выжидать дальнейших событий. Разъяснительная работа исходила из того, что мы не можем иметь у себя оружие, не создавая затруднений для американцев во взаимоотношениях их с советскими представителями. Мы — не военнопленные, а скорее интернированные, но и интернированные не могут иметь оружие. У нас сохраняется своя войсковая организация, у офицеров оставлено оружие. Всё это обязывает нас не поддаваться панике и сохранять спокойствие, выдержку. Роспуск, или самороспуск, т. е. уход всех

или части, благо здесь нет никакой охраны, явление безусловно отрицательное и вредное.

Во всяком случае все или почти все старшие офицеры высказывались за спокойное выжидание. Если даже кто и думал иначе, то вслух он своих мыслей не высказывал ни в официальном порядке, ни в частной беседе. И только уже в сенаябре — октябре 1945 г., когда офицерская группа находилась в Регенсбургском лагере военнопленных, то некоторые офицеры стали говорить: кладенское сидение было ошибкой. Надо было тогда же, в первые дни, дать негласный приказ-сигнал о роспуске людей по принципу: „кто, как и куда может".

Распыление такой значительной группы русских людей среди местного населения, без документов, без знания немецкого языка при ярко выраженном, в то время, неприязненном отношении русских (недавних немецких военнопленных и остовцев) к немцам, непременно повело бы к тому, что эти люди скатились бы на путь жизни отверженного и гонимого со всеми отсюда вытекающими последствиями, что неизбежно вызвало бы ответную реакцию со стороны местного немецкого населения, а вслед затем и репрессии со стороны американских властей. И трудно сказать, какое решение приняли бы американские власти и не коснулось ли бы оно не только бывших военных, а всех русских вообще.

Общий оптимизм простирался настолько далеко и особенно у части руководящих офицеров, что было решено расширить, или точнее, заново воссоздать Комитет Освобождения Народов России (КОНР).

Генерал Меандров, увлеченный предвзятым убеждением о торжестве идей Русского Освободительного Движения и демократического принципа англо-американцев, считал, что согласно этим демократическим принципам, будет разрешено вести политическую работу в полном объеме. Прежде всего среди своих солдат и офицеров, затем среди местного населения и даже среди... американцев. Поскольку первоначальные переговоры с американцами по вопросу о переходе частей РОА на сторону американцев формально были начаты не от имени военного командования, а от имени КОНР"а, то был сделано, что все дальнейшие переговоры должны вестись также от политического центра, а не от военного руководства.

Так или иначе, в Кладене был воссоздан Комитет Освобождения Народов России в количестве 14 членов и 2-х кандидатов.

На другой день после создания Комитета, члены его обратились к солдатам и офицерам со специальным письменным обращением, в котором говорилось, что „поскольку члены нашего руководящего ценра КОНР находятся ныне в различных пунктах, где они выполняют „особые" задания (!) и фактически лишены возможности руководства частями, то наличные члены Комитета решили расширить состав и ввести в комитет новых членов (таких-то, с перечислением фамилий). Указанный Комитет, как политический центр, не вмешиваясь в функции военного командования, берет на себя задачу политического воспитания и политической работы среди всего личного состава, среди граждан-

ских лиц и среди местного населения. Комитет в лице своего гражданского сектора берет на себя задачу создания разного рода мастерских, артелей, специальных профессиональных курсов и т. д.

Практически работа воссозданного Комитета на этом и закончилась. Американские власти перевели скоро весь состав в Фридберг, затем в лагерь Ландау, и скоро стало ясным для всех, что политическая работа запрещается.

За время пребывания в Кладене, на имя американских властей было написано три, принципиальной важности, письма. Первое письмо касалось краткого описания истории зарождения и развития Русского Освободительного Движения и истории Русской Освободительной Армии. С незначительными изменениями это письмо было вручено в лагере Ландау (Ганакер) коменданту лагеря подполковнику Бренон для передачи в вышестоящие американские инстанции.

Более интересна история второго письма.

16 или 17 мая полковник Хендфорд, совершенно ясно и недвусмысленно, задал генералу Меандрову, в присутствии некоторых старших офицеров РОА, вопрос: „А как бы вы отнеслись к тому, если бы вам предложили вступить в американскую армию для борьбы с Японией?" Далее Хендфорд добавил: „Ваше участие на стороне союзников против общего врага — Японии, дало бы вам мостик к примирению с Советской властью и, возможно, вы смогли бы реабилитировать себя настолько, что вам была бы предоставлена возможность возвращения на родину".

Прямо полковник Хендфорд не сказал, что он просит ответа на поставленный им вопрос.

„Предложение" Хендфорда подверглось обсуждению. Сначала в более узком кругу, затем для прощупывания мнения солдат и офицеров о нем были сделаны некоторые разъяснения в более широком кругу.

Прицпиально, при келейном разговоре, было решено:

1. Пойти на борьбу с Японией в роли простых американских наемников мы не можем.

2. Нам нежелательно распылять свои силы; надо думать, что если американцы и будут производить набор, то, собственно, не в армию, а во вспомогательные войска и не всех „чохом", а персонально, по персональному контракту.

3. Законтрактовавшись, мы попадем в лапы военного ведомства, которое, на основании законов о военной службе, могло послать людей в любой пункт для любой полицейской или „усмирительной" службы.

4. Нам и не выгодно, и невозможно ответить категорическим отказом, если бы со стороны американцев последовало формальное предложение. Поэтому пока надо выиграть время, заранее не отказываться и, по возможности, во что бы то не стало связаться с А. А. Власовым, о котором ходили упорные слухи, что он находится в американской зоне.

На основании этих соображений было решено, что если американцы сделают формальное предложение, то ответим им письменно в следующем виде:

1. Мы, русские считаем Японию извечным врагом России. Ныне Япония является общим врагом союзников и поэтому мы принципиально считаем возможным взять оружие для борьбы с нею.

2. Мы согласны войти в состав американской армии, но с тем, чтобы из наших частей была сформирована дивизия с нашим командным составом. И, вообще, все русские формирования должны представлять самостоятельные войсковые части.

3. Так как мы являемся вооруженными силами, подчиненными КОНР, то просим дать нам возможность связаться с членами Комитета и нашим главнокомандующим генералом Власовым, который, в конечном счете, может принять то или иное решение, которому мы подчинимся. Сами мы не вправе давать ответ ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

Таким образом 2-ой пункт и, особенно, 3-ий пункт сводил практически „на нет" весь смысл ответа. В этом как раз и была тактика выжидания и выигрывания времени.

Формального предложения со стороны американского командования о вступлении в американские войска так и не последовало. Тем не менее генерал Меандров написал официально письмо с

большим отступлением от сказанного выше решения по этому вопросу. Дело в том, что когда младшие офицеры и солдаты узнали, так или иначе, о разговорах вступления в американскую армию, то многие из них высказались в том смысле, что, дескать, ставить там какие-то условия — надо вступать в армию без всяких оговорок и пусть американцы нами и командуют. Подумаешь, „наемниками" не желаем быть... наплевать... Генерал Меандров, вообще, всегда был немножко „на поводу" у солдатской массы. Кроме того, он, как об этом сам лично заявил после, считая, что американцы, дескать, могут поставить вопрос так: „Вашего Комитета нет. Где генерал Власов, мы не знаем. Вас здесь большая группа, вы сами и решайте". Мое личное мнение, — говорил он, — надо прямо и честно ответить американцам, что мы желаем пойти на службу к ним.

19-го мая генерал Меандров, несмотря на то что официального предложения от американцев не было, всё же написал письмо, где прямо сказал: „Исходя из того, что Япония является врагом демократических стран, в том числе и врагом России, мы предлагаем использовать нас для вооруженной борьбы с ней в той форме, как это сочтет нужным американское командование". В этом ответе проскальзовала мысль о возможности посылки наших частей на фронт против Японии не через Америку или не через Тихий океан, а через Сибирь. В этом смысле генерал Меандров как то сказал: „Конечно, это мало вероятно, но, возможно, что часть американских войск, в том числе, может быть, и мы, бу-

дет пропущена Советским Союзом через Сибирь".

В эти же дни было написано еще одно (третье) письмо, касавшееся возможности перевода частей РОА на гражданское положение. Исходным мотивом этого письма были следующие соображения:

1. С переходом на гражданское положение „самотеком", индивидуальным порядком, мы разрушаемся как организованная единица, расползаемся в стороны и, поэтому, Русское Освободительное Движение от такого перехода на гражданское положение не выигрывает, а проигрывает.

2. Нам надо предложить такую форму нашего перехода на гражданское положение, при которой, по возможности, сохранилась бы наша органическая целостность.

3. Исходя из того, что многие из военнослужащих не имеют специальности, у многих незакончено образование, абсолютное большинство не знает немецкого языка, то желательно, чтобы все наши части с переходом на гражданское положение были бы поселены вместе.

4. Для этой цели просить выделить для поселения частей РОА какие-нибудь пустующие земли, например: военный городок с его танковыми и стрельбищными и учебными полями. В таком городке, обеспеченные кровом (бараки, казармы и т. д.), мы смогли бы организовать хозяйство для самих себя, открыть школы, курсы и т. д., и по мере подготовки людей к самостоятельной жизни,

они отпускались бы для поселения там, где они бы пожелали.

Этот план совершенно ясно преследовал две цели:

1. Выиграть время и 2. сохранить войсковую организацию. Все эти наивные мечтания исходили, повторяю, из предвзятого убеждения, что демократы-американцы являются безусловными противниками советской системы и в их интересах сохранить нас, под любым предлогом, для борьбы с большевиками в той или иной форме.

В своем письме генерал Меандров, в соответствии с пунктом 4-м, и просил отвести для поселения всех частей какой-нибудь военный городок со всеми хозяйственными и земельными угодьями.

Во время нахождения в Кладене предпринимались попытки связаться с „внешним" миром. Наиболее реальной попыткой было то, что из Кладена было отправлено несколько человек на розыски генерала Власова. О генерале Власове было, вообще, много слухов, вроде того, что он ‚вылетел" в Лондон, или то, что он „находится в Швейцарии", или то, что он „совместно с Деникиным и Керенским создал какой то комитет" и т. д. и т. п.

Пытались также связаться с людьми, имеющими вес в „сферах". Но так как таких людей у нас не было, то мы занимались „детскими игрушками:", связывались с какой то Великой Княгиней, которая вхожа, якобы, в Английский Королевский Дом.

Доцент М. написал письмо профессору **Пенсильвенского Университета** мистеру Добжанскому,

профессор Н. написал письмо бывш. американскому дипломату мистеру Сому. Затем один из офицеров написал письмо члену русской Императорской фамилии, и проч., и проч. Во всех этих письмах, написанных в смиренно-просительных тонах, заключалась просьба „походатайствовать" о возможно быстрейшем разрешении вопроса о бывших военнослужащих РОА.

Доходили ли эти письма до адресатов — неизвестно. Ответа на них так никто и не получил. Но время, когда части находились в Кладене, было самым радужным и полным надежд на будущее.

Оптимизм и вера в западно-европейский и американский демократизм, как систему, противопоставленную советской системе, поддерживались американскими офицерами. Выше говорилось о заявлении полковника Хендфорда о безусловной невозможности насильственной выдачи чинов РОА в руки советских властей. Подобные же заявления делались в последующем и рядом других американских офицеров, как например, командиром бригады в Регенсбурге (в округ которого в административном отношении входил лагерь Ганакер) полковником Пека, а затем преемником его, полковником Френч. Такие же заявления делали комендант лагеря Ганакера подполковник Бренон, комендант лагеря Платтлинг подполковник Гиллис, представитель американской главной квартиры ст. лейтенант Александров (американский офицер, был ранее русским гражданином).

Не случайно, вероятно, полковник Хендфорд „щупал" генерала Меандрова о возможности использования частей РОА для борьбы с Японией. Не случайно ведь, что в середине июля 1945 года в лагерь Ганакер прибыл инспектор от штаба 3-ей американской армии и сказал, что поскольку по условиям Ялтинского соглашения нельзя части РОА содержать в том виде, как они есть, то их надо переформировать в так называемые „строительные роты", которые, якобы, находятся на вспомогательных работах. Был дан штат строительных рот, по которому в лагере было сформировано десять строительных рот и одна из них была даже отправлена на работу на аэродром. Не случайно, что по настоятельной просьбе генерала Меандрова была разрешена отправка солдат и офицеров на сельско-хозяйственные работы. При чем люди, уходившие на работу, получали почти что полную свободу.

Оснований для радужных надежд было много. Нельзя не отметить следующего знаменательного факта. 25-го мая, когда части были в Кладене, туда приехали советские представители (это был их второй приезд). В квартире же генерала Меандрова, в присутствии ряда офицеров РОА и американских офицеров, советский представитель сделал следующее предложение: „Завтра, т. е. 26-го мая, в Круммау соберется межсоюзная комиссия, которая должна определить общий порядок и детали вашего перехода на советскую сторону. Необходимо, чтобы ваши представители присутствовали на этом совещании и подписали бы протокол его.

На совещании мы придем к единому взгляду. Вы выскажете свои претензии, мы свои. Вообще говоря, вопрос о РОА уже решен союзниками. Все вы, как советские граждане, должны возвратиться на родину". Далее он добавил: „Вы здесь подумайте, выберете делегатов, а мы пока, чтобы не мешать вам, выйдем"...

Остались одни офицеры РОА. Быстро обменялись мнениями и решили:

1. Вопрос о нас решен союзниками, а нас всё же зачем-то приглашают подписать протокол совещания. Неясно и нелогично.

2. Приглашают на совещание не американцы, под чью защиту и покровительство мы отдались, а советские представители. Категорически отказаться от участия в совещании.

3. Фактом своего присутствия на совещении, мы даем повод для американцев считать нас какими-то „заблудившимися" сынами, для которых нет по существу никаких оснований для невозвращения на Родину.

4. Исходя из сказанного, просить американское командование представлять на совещании наши интересы, поскольку мы сами добровольно перешли под защиту американской армии.

Когда советские представители и американские офицеры вновь вошли в комнату, им было сказано, что офицеры РОА отказываются от участия в комиссии, поскольку все части добровольно переш-

ли под покровительство американцев. Американские власти должны представлять наши интересы.

После дополнительных разговоров, офицеры РОА остались при своем решении, и советские представители удалились. Вместе с ними выходили и американские офицеры. В этот момент офицер связи полковника Хендфорда, лейтенант Кларк, задержался в дверях и, приложив палец к губам, произнес предостерегающий звук: „Псс!" а затем тихо добавил: „Никаких делегатов, вы правильно сделали, что не согласились. Приготовьтесь, завтра в 5 часов утра все вы будете переведены глубже в тыл, подальше с глаз"... Все это произошло в течение полминуты.

Утром 26-го мая все части, расположенные в Кладене и в окрестностях, были преведены в Фридберг, где, соединившись с другими группами, 28-го мая были переброшены в Баварию в лагерь Ганакер.

Не случаен и тот факт, что американский пост в деревне Кладен, о чем я говорил выше, был поставлен с целью ограждения деревни от советских солдат.

Советские представители были в деревне Кладен два раза. Первый раз они приехали 18-го мая (подполковник, капитан и несколько унтер-офицеров), в сопровождении американского офицера.

На небольшой площади деревни состоялся летучий митинг. Подполковник советской армии говорил: „Вы, заблудившиеся сыны, сами не зная, по-

пали „как кур в ощип", в неприятную историю. Вы неубежденные враги советской власти. Вы — военнопленные, спасаясь от ужасов немецкого плена, пошли в РОА и теперь боитесь возвратиться домой, полагая, что вас будут преследовать за это. Хотя вы и совершили измену народу фактом вступления в РОА, хотя вы и нарушили слово воинской присяги, но Родина все же прощает вас и предлагает всем вернуться домой. Дома нужны рабочие руки. Города и села разрушены. Родина зовет вас вернуться домой. Все ваши вины, вольные и невольные, прощены, вас никто преследовать не будет. Конечно, вас будут проверять, но это будет продолжаться короткое время, два-три месяца. Мы знаем, что вы дрались с немцами, что вы столь же их ненавидите, сколько и мы. Вам заграницей делать нечего: быть рабом у немецкого бауэра или у американского фермера не приличествует гражданину Советского Союза".

Надо сказать, что выступление советского подполковника было сдержанным, спокойным и корректным. Со стороны же солдат и офицеров РОА во время его речи слышались выкрики: „Почему Каганович правит Россией? Довольно! Слыхали ваши песни и в России и пр.

Советскому представителю отвечали доцент М[узыченко] и полковник К[иселев]. Оба они главный упор сделали на то, что военнослужащие РОА, бывшие советские люди, не изменники Родины, что они любят Россию более, чем кто-либо. Сталинская власть отказалась от военнопленных, объя-

вив их врагами народа в то время, как большинство здесь присутствующих попало в плен ранеными. Многие были награждены орденами. Мы вступили с немцами „в брак по расчету", для того чтобы использовать Германию, как базу для развертывания народного движения против сталинской тирании. Мы видели крестьян и рабочих в Западной Европе и, сравнивая их положение с положением рабочих и колхозников в Советской России убедились, что Советская власть, обещавшая в октябре 1917 года „рай земной", привела к общей нищете народа. Она обманула народ. Лучшие духовные силы русского народа были уничтожены. В Советской России нет жизни для творческой личности. Там обезличенная масса, без души, без идеи, приниженная и задавленная. Между нами и вами не может быть примирения. Мы не „заблудшие сыны", а борцы, осознавшие свой путь и свое назначение..."

IX. ПУТЬ В ПЛЕН

Насколько радужны были надежды при уходе 26 мая из деревни Кладен, настолько же горьким было разочарование при приходе в Фридберг. Вывод частей РОА из Кладена был расценен как акт явного доброжелательства (каким он, конечно, и был).

Фридберг — небольшой городок сев. вост. Пассау. Для размещения частей был отведен мокрый луг вдоль реки Молдау, западнее 1½ — 2 км. самого городка. 27-го сюда прибыли и разместились запасная бригада и группа 1-го дивизиона.

С первых же часов после привода в Фридберг, солдатам и офицерам стало ясно, что отныне они пленные, а не интернированные. Участок не был огорожен. Вокруг него через каждый 100 метров сразу же были поставлены американские посты с пулеметами. С утра 27-го мая начали тянуть вокруг

лагеря проволоку. Американская охрана настроена крайне враждебно. Постоянные угрозы оружием, пинки, удары начали спытаться на головы солдат и офицеров. У офицеров отбирались личные вещи, которые понравились солдатам охраны. Часы просто срывались с руки (с этим впоследствии сталкивались неоднократно). 27-го мая выстрелом постового солдата был ранен один из офицеров, пытавшийся поговорить со своей женой.

За полтора суток пребывания в Фридберге, в связи с резким ухудшением отношения американцев, из частей убежало больше чем за всё время пребывания в Кладене. Впервые, именно 27-го мая, командир участка Фридберга, американский полковник, заявил, что „Вы военнопленные".

27-го мая этот американский полковник (командир батальона 104-го пехотного полка), заявил: „завтра, т. е. 28. 5, все вы будете переброшены на машине в другое место".

„Весь ваш транспорт, машины, лошади и повозки останутся здесь. Каждый солдат и офицер может взять с собой только строго ограниченное количество личных вещей". Куда должны перевозить, он не пожелал ответить.

В связи с ощущавшимся недостатком продовольствия, командованием был дан негласный приказ забивать лошадей и заготовить на ночь на кострах жареного и вареного мяса. За ночь было убито более 100 лошадей. В повозках и ранцах у многих сохранилась водка, и вокруг костров темной ночи видны были шатающиеся пьяные, казав-

шиеся особо зловещими в блеске огня. С американских постов непрерывно раздавались то единичные выстрелы, то пулеметные очереди, — это американские часовые забавлялись со скуки, пуская пули поверх лагеря. Первое время выстрелы действовали на нервы, но скоро и люди и нервы привыкли к ним и внимания на выстрелы больше не обращали.

В 10 часов утра 28-го мая были поданы первые машины и в них погрузили женщин. Куда отправляют — никто не знает. Поползли слухи: „везут на советскую сторону, будут передавать отдельными машинами...”

Постепенно стали подходить другие колонны машин и началась погрузка солдат и офицеров по 30-40 человек на машину. Для „убыстрения” погрузки, американские солдаты щедро рассыпали пинки и удары прикладом винтовки. Настроение у всех мрачное, подавленное. Офицерам и солдатам тайно был дан приказ: „следить, куда повезут: если на восток, на советскую сторону, то прыгать из машин и разбегаться. Сбор в лесах северо-западнее Пассау”. Успокайвало же то обстоятельство, что машины отправлены без охраны.

Американские офицеры, присутствовавшие на погрузке, демонстративно „не замечали” грубого отношения своих солдат к русским солдатам и офицерам. Они также не говорили, куда нас отправляют. И только один из них, при погрузке второго или уже третьего эшелона, заявил: „Не бойтесь, вас везут не на советскую сторону, а глубоко в

тыл, в лагерь Ганакер". Найдя по карте этот путь, мы успели ряду старших офицеров сообщить о нем, но предупредив, однако, чтобы в пути были внимательны и смотрели, куда повезут.

После солдаты и офицеры рассказывали, что когда они убедились, что их везут на запад, а не на восток, то у них наступила моральная расслабленность, — кризис. На душе стало несколько спокойнее и апатичнее. За время пути в Баварию убежали единицы, но за то в первые же два дня после прибытия в Ганакер, из лагеря убежало более 100 человек.

В машине, где находился генерал Меандров и несколько других старших офицеров, после того, как машина повернула на Ландау, словно из воздуха родилась „параша" — „баланда" (т. е. ложный слух) — „везут в Ландау". В Ландау в свое время при Гитлере был концентрационный лагерь, хорошо оборудованный. Побег оттуда невозможен".

Кстати сказать, в Ландау в прошлом никогда не было концентрационного лагеря. Откуда родилась „параша", кто ее придумал — неизвестно.

ГАНАКЕР И ЛАНДАУ

Для размещения частей было отведено голое поле около деревушки Мооз, кое-где видны посевы. Мокро, грязно, неуютно. Поле наспех огорожено проволокой. В вечерних сумерках заметны фигуры часовых. На воротах, при въезде в огороженный участок, и вывеска и на ней буквы „PW". [prisoners of War] — Лагерь военнопленных № 22".

Итак, мы военнопленные, а с военнопленными разговор соответствующий: разговор прикладом, пинком солдатского ботинка. Грубый осмотр вещей, отбирают, что понравится, сдирают с рук кольца, часы, вытаскивают портсигары...

Первоначально лагерь Ганакер назывался Моос, по имени деревушки. Затем привилось название Ганакер и Ландау. „Ганакером" назывался собственно лагерь, где размещали солдат и офицеров, а в Ландау, в трех домах, были помещены 240 человек жен и матерей солдат и офицеров.

С утра 29-го мая началось постепенное устройство лагеря. Разбиты участки. Часть людей, по требованию американцев, натягивает проволоку вокруг лагеря. Роются отхожие ровики, кое-где дымятся небольшие костры и на них готовится немудрёная солдатская еда. Нет палаток, нет кухни, нет бани.

Но постепенно всё „образовывалось". Недели через две лагерь выглядел вполне приличным воинским лагерем. Строго в линию поставлены палатки, проложены линейки (дорожки), на передних линейках — грибы для дневальных. Общий сигнал на трубе для подъема, принятие пищи, общелагерная вечерняя поверка, вечерняя заря, отбой — в общем всё, „как следует". В тылу частей разбиты и огорожены плетнем пищевые блоки. Достали котлы, хотя и мало, но с каждым днем суп в котлах становился всё жиже и жиже.

В лагере Ганакер остатки частей РОА или т. н. „группа войск генерала Меандрова", находилась с 28-го мая до 18-го августа 1945 года, постепенно уменьшаясь в своем количестве.

Постепенное уменьшение группы характеризуется следующими цифрами:

12-го мая 45-го года. — Всего насчитывалось в трех группах т. е. Кладен, Фридберг и деревня Верх. Ландендорф 7200 чел.

27-го мая 45-го года. — В день соединения всех групп в Фридберге 6850 „

28-го мая 45-го года. — В день прибытия в Ганакер 6400 „

С 28-го мая по 17-ое августа, убыло:

а) на сельскохозяйств. работы 2160 чел.
б) официально освобождены 8 чел.
в) добровольно выехали в СССР 418 чел.
г) выделены в „гражданскую группу" и переведены в другой лагерь 218 чел.
д) скрылись из лагеря 1396 чел.

Всего 4200 чел.

За это же время в лагерь Ганакер прибыл так называемый сводный полк (группа ген. Туркула) в 600 человек.

18-го августа — в день, когда солдаты и офицеры были отправлены в лагерь Зоннендорф, а все остальные офицеры в лагерь Регенсбург, насчитывалось 2800 человек.

Выехали в Советский Союз за время с 18. 8 по 1. 10. из Регенсбурга 84 человека, из Зоннедорфа 316 чел. Всего 400 чел.

К 15 декабря 1946 года, когда все группы были собраны в лагерь Платтлинг, насчитывалось 3200 человек.

(Увеличение призошло за счет присоединения в Регенсбурге солдат и офицеров бывшей группы генерала Мальцева в количестве 400 человек и группы солдат и офицеров, возвратившихся в лагерь с сельскохозяйственных работ, также в количестве 400 человек).

Внешне жизнь группы генерала Меандрова в лагере Ганакер шла как будто бы нормально, как и должно быть в нормальной войсковой части. В лагере стремились поддерживать определенный внутренний порядок. В июле месяце провели спортивный праздник. Успешно работали курсы по подготовке шоферов. Продолжал выступать ансамбль песни и пляски (хор пор. Костецкого). По средам и воскресеньям в лагерь приходили из Ландау женщины и эти дни были праздником для семейных офицеров и солдат. Устраивались концерты, на которых постоянными гостями были часто американские офицеры, в их числе командир 26-ой бригады полковник Пека. Попрежнему эти американские офицеры сыпали заверениями, что никто в руки советских властей выдан не будет. В июле месяце, как я уже говорил, в лагерь прибыл из штаба 3-ей американской армии инспектор войск пехоты (полковник, фамилия его осталась неизвестной), который предложил переформировать части в „строительные роты”, дабы тем самым иметь основание говорить, что русские военнопленные в соответствии с Ялтинским соглашением, задерживаются для восстановительных работ в американской зоне.

Американская комендатура во внутренюю жизнь частей не вмешивалась совершенно. Как во всякой

войсковой части, небольшой штаб генерала Меандрова руководил обычной жизнью лагеря. Все офицеры находились на своих командных должностях, свободные от командных должностей находились в так называемой сводной офицерской роте при штабе.

X. — Р А З В А Л

Но весь этот воинский распорядок и воинский вид не давали права говорить, что „на Шипке все спокойно", особенно к концу пребывания в лагере Ганакер.

Внутри частей, в душе каждого солдата и офицера шла глухая борьба, падала военная дисциплины и моральное состояние людей. Постепенный распад войсковой организации был обусловлен несколькими факторами внутреннего и внешнего порядка.

1. Нарастала неизбежная неудовлетворенность существующим положением, каждый начинал задумываться: как долго будут держать нас в лагере? Мы не нацисты, не СС"овцы, не преступники. Неужели „демократы" американцы не понимают этого? Солдаты и офицеры, несмотря на заявления американских офицеров о „невыдаче в руки советских властей", чаще и чаще начинают приходить к мысли именно о возможности выдачи. Что делать?

Этот вопрос мучает многих. Увеличивается количество побегов из лагеря. Побеги действуют на остающихся в лагере двояко: некоторых они возмущают тем, что люди „бросают в беде своих товарищей”, а некоторых увлекают или, во всяком случае, вносят внутреннюю тревогу: „Что же мне делать?

2. С разрешения американской комендатуры, лагерь часто посещают советские представители. Внутри лагеря образовались советски настроенная группа солдат и офицеров, началась агитация с той и с другой стороны и бесконечные споры в палатках. Одни нападают на советский режим, другие „разоблачают” западно-европейский демократизм и, в конечном счете, стоит опять один и тот же вопрос: что делать? Однажды советская группа провела собрание около лагерной сцены. По просьбе ген. Меандрова, официально оформившуюся советскую группу выделили в особые палатки, но общение ее с остальными людьми в лагере, конечно, продолжалось. Лагерь открыто бурлил. Следует заметить, что из Ганакера добровольно выехали в Советский Союз только 418 человек, но вопрос о том — ехать или не ехать — ставили себе большинство.

Добровольно выехали в СССР некоторые старшие офицеры как, например, начальник отдела формирований РОА полковник ДЕНИСОВ, командир сводного полка полковник МАКИЕНОК, преподаватель офицерской школы полковник СКУГАРЕВСКИЙ и др. Все эти лица уходили из лагеря тайно, переходя под защиту советского представитель-

ства, находящегося в Ландау. И, как это не странно, тайный побег старших офицеров вызвал своеобразную реакцию: количество просоветски настроенных людей уменьшилось. По отношению ушедших везде слышались эпитеты: „Сволочи!" „Шкурники!" „Шкуру свою спасают за наш счет!" Когда полковник Денисов появился было в лагере с советскими представителями для агитации за возвращение на Родину, то над ним чуть было не устроили самосуд. Спасло его быстрое прибытие американской охраны к месту сборища.

Советская агентура, способствуя распаду целостного войскового организма, главный огонь направила против офицеров, которые стремились поддерживать дисциплину. Одновременно она умышленно „клеймила позором" тех офицеров, которые уходили из лагеря (но не к советам!), говоря, что и офицеры бегут из лагеря, бросают солдат на произвол судьбы. Они боятся ехать домой, страшась справедливого возмездия советского народа. Солдатам нечего бояться, — солдаты должны ехать домой, и им там нечего не будет"...

3. В связи с угрозами советских представителей, говоривших, что если в лагере будет вестись антисоветская агитация, то весь лагерь будет репрессирован — значительная часть офицеров, в том числе и старших, стала высказывать недовольство существующим в лагере воинским порядком. Они говорили: „Зачем нам дразнить быка красной тряпкой. М ыделаем, словно нарочно, всё, чтобы показать, что в лагере находится нормальная войсковая часть. Все атрибуты воинской части, как-то

приказы „по частям РОА, поверки с музыкой, грибы на линейках, сигналы дневальных, дежурных, рапорты, лагерную гауптваху, всё это надо отменить. Надо перестать на что-то надеяться, и понять, что мы превратились в военнопленных и просить американцев отделить офицеров и солдат, как это обычно положено в лагерях военнопленных.

Офицеры, державшиеся подобного образа мыслей (нельзя утверждать, что все они не были просоветски настроены), скоро перешли от слов к делу. Они вели соответствующие разговоры среди других офицеров и даже среди солдат, а тем самым способствовали развалу дисциплины и организованности. Опять всё тот же вопрос мучает людей — что делать?

Командующий группой генерал Меандров в этом вопросе занял совершенно четкую, до конца последовательную линию поведения. Он неоднократно говорил: „Спокойно ждать. Из лагеря никто не должен уходить, уход из лагеря ухудшает положение остающихся. Никаких документов (гражданских) с воли для офицеров и солдат не приобретать. Мы не преступники, а честные идейные борцы и нам нечего бояться выдачи в руки советских властей, порукой тому демократические государственные принципы, существующие в Америке и честное слово американских офицеров. А если бы что-нибудь подобное и началось в лагере, то все мы выйдем на площадь и пусть нас убивают на месте, но я верю, что до этого никогда не дойдет и демократическое правительство Америки, взявшее нас под свою защиту, не даст погибнуть нам"....

Многие из старших офицеров не были согласны с генералом Меандровым. Одно время у них возникла мысль о необходимости создать при Меандрове „Военный совет', с тем, чтобы фактически отстранить его от руководства или даже просто „переизбрать", т. е. потребовать ухода его с должности Начальника группы, а также и ухода с должностей некоторых других офицеров. Этот проект не был осуществлен, потому что офицеры, коим был предложен этот вариант действий, не согласились с ним, считая его вредным в данной обстановке. Смена руководства в лагере („революция") повела бы еще к большему организационному распаду. И к тому же „снимать" Меандрова было уже поздно, поскольку процесс дезорганизации глубоко вкоренился в организм, да и не было подходящей фигуры для замены. Всякий новый „выбранный" начальник лагеря оказался бы в руках и на поводу страстей толпы и как только он попытался проявить свою волю, то немедленно был бы „переизбран". Начались бы бесконечные митинги и выборы „угодных" офицеров (т. е. наименее дисциплинированных) в ротах и командах.

Генерал Меандров, идейно убежденный и ослепленный безграничной верой в демократию, считал, что англо-американцы не дадут погибнуть власовцам. Поэтому, волей-неволей, офицеры, несогласные с его установками, действовали „в обход" его указаний и вопреки им. Это, конечно, также не способствовало поддержанию дисциплины. Перечисленные выше причины распада войсковой организации в группе генерала Меандрова являются фактически делом внутреннего, точнее полити-

ческого порядка, когда каждый человек с мучительной душевной борьбой должен был ответить на вопрос: что делать?

Внешним фактором общего падения дисциплины и разложения войскового организма стал вопрос питания, вопрос желудка, когда офицеры и солдаты перестают быть солдатами и офицерами и превращаются в сборище, в толпу. Многие переходят вновь в состояние пленных, какими все они еще недавно были в немецких лагерях.

Начиная с первого дня перехода на американскую сторону (т. е. 9. 5. 45) и до 18-го августа, части РОА не находились на плановом снабжении американских хозяйственных организаций, продукты поступали из трофейных запасов со случайных складов и, как говорят, было „то густо, то пусто". Никто не мог сказать, привезут ли завтра хлеб, мясо, картофель, горох, и если и привезут, то сколько. В то время, пока часть размещалась в Кладене, было разрешено производить закупку у местного населения, что при наличии некоторого собственного запаса, позволяло давать людям более или менее нормальный рацион. В Ганакере, первые две недели, вообще категорически были запрещены самозаготовки продовольствия. Потом комендант лагеря то давал разрешение, то отменял его. В конце июня комендант, подполковник Бренон („Грозный Бренон"), в наказание за то, что несвоевременно и не все были собраны лопаты, выданные лагерю, лишил лагерь получения продуктов на пять дней. И в течение этих дней в лагерь не привезли ни одного грамма продовольствия. (К та-

ким „мероприятиям" коменданты лагеря прибегали неоднократно).

Как сказано, продукты поступали нерегулярно и не по норме. Сегодня привезли по 200-250 граммов хлеба, по 70-100 гр. гороха на человека, а завтра ничего, или почти ничего. В течение месяца совершенно не получали соль. Были дни, когда по раскладке на сутки для одного человека вкладывали в котел 6-10 гр. гороха и по 10-20 гр. муки и выдавали на руки по 60-80 гр. хлеба. Были и такие дни, когда горячую пищу совсем не готовили, а людям выдавали на руки суточный рацион 30-50 гр. муки и ничего больше. Из этой муки каждый волен был делать, что угодно. Одни пекли на камнях две лепешечки, другие же варили котелок похлебки.

Нерегулярность и несвоевременность подвоза продуктов обязывало иметь некий запас их хотя бы на сутки. Однако уже в 20-х числах июня „коноводы", из числа наиболее недисциплинированных солдат, донесли коменданту лагеря, что „офицеры не выдают всех продуктов, привозимых американцами, и держат их в складе для себя". Комендант, все тот же „грозный Бренон", не желая вникнуть в суть дела приказал немедленно раздать все продукты и впредь никаких запасов не создавать. Тут, к несчастью, веское последовало наказание лагеря в виде лишения лагеря на 5 суток продовольствия.

Положение в лагере в конце июня и в начале июля было особенно тяжелым. Появились „доходяги", т. е. голодные люди, но еще способные передвигаться. Они с блуждающими глазами ходят

по лагерю, вперив взгляд в землю, словно разыскивая, не найдется ли что-нибудь съестного. Они толпами стоят около кухонь, около складов. В момент привоза в лагерный склад продуктов, толпа в 200-400 человек плотной стеной окружает склад и лихорадочными глазами следит, „чтобы всё было роздано, чтобы на складе ничего не осталось". В этой толпе представители всех частей лагеря. Потом они группами расходятся по своим частям, сопровождая людей получивших продукты, и продолжают следить, чтобы на полковых и батальонных пунктах также „ничего не осталось бы". Еще в момент получения продуктов на центральном лагерном складе, добровольные наблюдатели, с бумажкой в руках, высчитывают, сколько и каких продуктов придется на одного человека.

Первое время пытались урезонивать, разъяснять, а затем просто разгонять толпу, но потом бросили делать и это, поскольку комендантскому наряду приходилось вступать в драку, чтобы отогнать голодных людей от склада.

На почве хронического недоедания, „доходяги" скоро перешли в разряд не встающих с постели. В начале июля (7-10) до одной трети общего количества людей уже не вставала с постели и не выходила из палаток. Появились вши, но от них избавлялись „чудодейственным" американским порошком. Великое счастье, что в это время в лагере не вспыхнула какая-нибудь эпидемия.

Голод неизбежно привел к тому, что многие из тех, кто еще мог „свободно" передвигаться, ста-

ли бегать из лагеря на двое-трое суток. После они возвращались в лагерь с... продуктами. Некоторые покупали у местных крестьян, некоторые зарабатывали, многие просто воровали. В лагерь приносили, главным образом, молодой картофель, затем кур, гусей, хлеб, иногда поросенка или даже овцу и, конечно, табак. Столь же неизбежно в лагере возник базар. Первоначально торговали полутайно, „из-под полы", на тыловых линейках частей, затем базар перешел на главную лагерную площадь. Попытки разгонять торгующих успеха не имели, поскольку у начальника лагеря фактически не было власти, а американцы потворствовали базару, т. е. не принимали сколь-либо решительных мер к его ликвидации.

На базаре можно было купить всё, начиная от кремней для зажигалки и кончая костюмами. Главным, наиболее ходким товаром, был хлеб, табак и сигареты. Стоимость хлеба доходила до 70 марок килограмм. Американские сигареты стоили 5-10 марок, немецкие от 2-х до 5-ти марок. Скоро все деньги лагеря оказались в руках немногих „королей рынка". Говорили, что у некоторых скопилось 30-50.000 марок. После эти „короли" ушли из лагеря. Отсутствие денег не прекратило торговлю, люди перешли на меновую торговлю. Меняли и обменивали всё: часы, кольца, сапоги, шинели, мундиры, рубахи, сигареты и табак и т. д.

Поставщиками продуктов на рынок были, в первую очередь, выезжавшие из лагеря на различные работы солдаты и офицеры, затем солдаты и офицеры „пикировщики" („спикировать" на мест-

ном языке означало попасть на крестьянское поле или в деревню) и, в незначительной мере, женщины, приносившие в лагерь, главным образом, хлеб. Каждая из женщин приносила, обыкновенно по средам и по воскресеньям, по две-три буханки хлеба для своего мужа или сына и для близких его товарищей.

Самое трагичное состояло в том, что торговлей занимались не только солдаты, но и часть офицеров. На этом основании солдаты огульно обвиняли всех офицеров в спекуляции. Так уж водится, что если офицер стал торговать и входить в торговые сделки со своим же солдатом, то он перестает быть офицером и солдат может бросить ему любой упрек. Дисциплина явно падала и поддерживать ее стало невозможно.

Много обидного и грубого было сказано в отношении женщин, коих также огульно называли спекулянтками.

Дезорганизованность катастрофически нарастала. Каждое утро у ворот лагеря собиралась тысячная толпа. Это люди, жаждующие попасть на работу вне лагеря. С работы, быть может, удастся кое-что привезти, да и американцы часто раздавали работающим продовольственные пакеты. Никакие расписания, очередности, ни комендантский наряд не помогали. Между официально, в порядке очереди, выделенными сегодня на работу и между „охотниками", т. е. наиболее сильными, нахальными и беспринципными, происходят драки, а американские вахтеры откровенно хохочут, потешаясь над озверевшей толпой. И только, когда дело доходит до серьезной потасовки, американские солдаты

ударами прикладов винтовок, резиновых палок, а иногда стрельбой поверх толпы, добиваются водворения подобия некоторого порядка.

Когда стали посылать людей на длительное время на сельско-хозяйственные работы, то к генералу Меандрову ежедневно приходили группы по 20-50 человек — „делегаты от рот и батальонов — с претензиями: „почему сегодня выделили людей на работу от другой, а не от их части?"

Войсковой организм распался... Говорят, что китайцы первыми пустили в ход пословицу: „кухня есть — война есть". Это совершенно справедливо. В лагере Ганакер, в середине июля, безраздельным начальником" людей стал „генерал живот", возродивший немецкий плен, прививший большинству солдат и многим офицерам инстинкты и страсти безликой и многоголосной толпы.

„Генерал живот" овладел умом и сердцем людей, главным образом, потому, что у них невелика была внутренняя спаянность и убежденность, позволяющая переносить более тяжкие испытания.

В одном из писем на имя американского командира ген. Меандров писал: „Плен немецкий, голодный, жестокий, тяжелый и откровенно издевательский был закономерен и понятен нам. Несмотря на тяжесть плена, мы как-то надеялись, что он кончится с окончанием войны. Плен американский гораздо тяжелее для нас в моральном отношении. Мы не понимаем, почему нас держат и как долго еще будут нас держать военнопленными. Впереди у нас неопределенность, которая гнетет людей"...

XI. ПЛЕННЫЕ

Наступили, наконец, дни, когда всем разговорам об „интернированных" самой жизнью был положен конец. Советские представители настояли перед американским командованием на том, чтобы лагерь был расформирован.

7-го августа из лагеря Ганакер были взяты и увезены неизвестно куда генералы во главе с Меандровым. А надо сказать, что американские офицеры, посещавшие до этого лагерь, на вопрос о возможности разделения солдат и офицеров, всегда отвечали, что этого не будет... „Ваша судьба, — говорили они, т. е. судьба офицеров и солдат — будет решаться одновременно и нет, поэтому, необходимости разделять вас".

18-го августа 1945 года около 9 часов собрали лагерь по тревоге. Приказано построиться со всеми вещами. Офицеры строятся на правом фланге. В

лагере и вокруг него усиленный наряд. Около главных ворот началась посадка на машины. Офицеров направили в лагерь военнопленных № 22, Регенсбург, а солдат с небольшой группой случайно оставшихся офицеров — в лагерь Зоннендорф (около Пассау). Посадка в машины и отправка происходит в крайне нервной напряженности. Никто не знал, куда везут. В последний момент присутствующий при погрузке командир 26-ой бригады полковник Френч сказал: „Вас везут в благодатный лагерь Регенсбург, вы пробудете там недолго и получите отпускные документы". Однако машины были направлены не в Регенсбург, а на Пассау; некоторые солдаты стали выбрасываться на полном ходу. В Мюнхене, Ландсхуте и др. пунктах разнеслась весть, что „офицеры взбунтовались". Американцы открыли стрельбу, 16 чел. убиты и много раненых. „Убитых" и „раненых" погрузили, „как дрова", на машины, „куда-то" отправили.

Сравнительно долгое время, разделенные офицеры и солдаты ничего не знали друг о друге, также ничего не знали и о судьбе вывезенных генералов.

Переход на совершенно определенное положение военнопленных принес, как это не странно, некоторое своеобразное успокоение. Все было ясно: отныне только военнопленные. Потянулись однообразные, скучные дни. В лагере Зоннендорф однообразие заполнялось устройством лагеря и выездом на работы. Там люди хорошо питались, получили зимнюю одежду, а в Регенсбургском лагере офицеры заполняли часы игрой в карты и тоскли-

вым ожиданием обеда, ужина... (Первое время питание в лагере было более чем скудное).

Вскоре, после переезда в новые лагеря, все люди прошли первую офицерскую комиссию („Процессинг”). Стали передавать сведения, исходившие из лагерной канцелярии (комендатуры), что заготовили отпускные документы.

XII. ЛАГЕРНЫЕ „СЛУХИ"

В обстановке тоскливости и неопределенности, рождались самые невероятные „параши" (или „баланды"), т. е. ложные слухи. Вот образцы некоторых (записаны в порядке их „поступления"):

1. „Лично разговаривал с американским солдатом и он сказал, что через три дня Баварию занимают советские войска" (20. VIII).

2. В Югославскую армию идет набор. Уже есть русские части, которые держатся в секрете" (21. VIII).

3. „Генералы выданы. Ездили на их розыск женщины, и им американцы сказали, что генералов увезли". (24. VIII).

4. „А. А. Власов в американской зоне, около Мюнхена, в старом замке. Его лично видел и разговаривал с ним Б. В." (28. VIII).

Примечание: 30. 8 автору пришлось разговаривать в Регенсбурге с Б. В. и он действительно

рассказал, что „лично видел" Власова. После установлено, что Б. В. по непонятным мотивам просто врал.

5. „В газетах немцы читали, что Баварию отдают советам, а американцы получают Манчжурию (29. VIII).

6. „Все не-немцы должны быть распущены до 15. 9. Немцы (кроме СС и нацистов) распускаются до 15. 10" (1. IX).

7. „Всех, кто прошел регистрацию в „Процессинге" или вообще, прошел комиссию, на днях отпускают" (6. IX).

8. „Тюрингию, Саксонию и Баварию занимают англичане. Америка получает Манчжурию. В Европе влияние Англии, а на Дальнем Востоке — СССР и США" (12. IX).

9. На Сталина было покушение в Праге. Убито 16 человек. у Сталина оторвана одна рука и нога и его на самолете отправили в Москву, говорят, что он уже скончался. Власть взяли Вышинский и Берия".

По другому варианту Берия был „убит". (28.IX)

10. Вчера было получено срочное распоряжение в комиссии по выпуску („Процессинг") о немедленной подготовке отпускных документов. Все чиновники спешно работали целую ночь, но утром получена телеграмма: задержите отпуска военнопленных до особого распоряжения".. (6. X).

11. „Американские войска идут на восток как

по железной дороге, так и походным порядком. Много танков, артиллерии и автомашин" (8. X).

12. „Получено письмо из Ландсхута, где через американцев узнали, что наш лагерь через две-три недели будет распущен. (13. X).

13. „Война на носу. Есть приказ о затемнении, о чем передавали из лагерной канцелярии, и даже комендант блока говорил об этом. (16. X).

14. „Власов находится около Мюнхена. Он вызвал к себе М. и З. и они втроем сидят и пишут оправдательный документ" (18. X).

15. „Власов в Лондоне". (20. X).

16. „Наши регистрационные карточки в комендатуре разбиты по родам войск: отдельно пехотинцы, артиллеристы, танкисты, связисты и т. д. В Мюнхене расклеены объявления, приглашающие всех желающих вступать в американские войска. Сейчас идет набор в воздушные силы (22. X).

17. „Между американскими и советскими войсками начались бои несколько дней тому назад. Советские части потеряли более 200 человек. Два советских батальона перешли на американскую сторону" (23. 8).

18. „Видели Ф. И. Трухина в Мюнхене. Отпустил бороду и только по росту могли узнать. Живет где-то под Мюнхеном. Из Мюнхена ему возят продукты" (27. X).

19. „Все поляки, записавшееся на добровольный выезд на родину, не отпускаются. Тех же, кто не

пожелал записаться, всех отпустили на волю" (28. X).

20. „В Советском Союзе изобретена атомная бомба, размером в теннисный мяч. Бомба обладает чудовищной разрывной силой. Радиус ее действия более 200 клм от точки разрыва" (29. 8).

21. „Есть инструкция о роспуске всех до 15-го ноября в такой последовательности: инвалиды, затем люди старше 50-ти лет и моложе 18-ти лет, солдаты Вермахта, офицеры Вермахта, солдаты СС и унтер-офицеры СС. Мы причислены к Вермахту" (3. XI).

22. „Бавария отходит в советскую зону. Советская граница устанавливается по Рейну (5. XI).

23. „Был арестован Антонов, он сослался на Ф. И. Трухина. Генерал Трухин явился в CIC и удостоверил личность Антонова, поручившись за него. Антонов после этого был отпущен" (6. XI).

24. „В Регенсбурге прибыл батальон советских войск, якобы, с целью вылавливать дезертиров".

„Проснешься завтра, а у нас вместо американской охраны будут красноармейцы"..

„А не является ли факт прибытия советского батальона началом оккупации Баварии". (10. XI).

2ь. „Власов, Деникин, Керенский и митрополит Анастасий находится в Швейцарии и образовали там Русский Комитет". (12. XI).

26. „Один немец читал в газете и передавал, что все русские, на основании соглашения союзни-

ков, подлежат выдаче на советскую сторону". (24. XI).

27. „Все, кто летом ушел на сельскохозяйственные работы, получили официальные отпускные документы. Комендант передавал, что и мы скоро будем отпущены". (29. XI).

28. „В Мюнхене, во всех городах Баварии уже давно идет запись на выезд в Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай и Канаду и др. американские страны. Власовцев всех в Бразилию". (30. XI).

29. „Комендант говорил, что Платтлинг это отпускной лагерь для русских. Сейчас оформляются отпускные документы". (3. XII).

30. „Из Мюнхена получено письмо о том, что наконец-то есть решение американского правительства о русских невозвращенцах. В лагерь скоро приедет комиссия, которой указано в течении одной недели документально оформить выпуск „власовцев" из лагеря". (7. XII).

31. „Через коменданта лагеря Гиллиса установили, что окончательный срок нашего роспуска намечен на 10-ое января 1946 г. Вчера об этом говорили в канцелярии". (31. XII).

Пришел приказ опросить всех, кто и в какие американские страны желает выехать. Украинцев принимает Канада". (14. XII).

Ложных слухов было много. Они распространялись по баракам с быстротой молнии. Часто они рождались в лагере, а затем через женщин уходили

„на волю" и через них же возвращались вновь в лагерь, но уже в несколько ином виде. Много „баланды" зарождалось вне лагеря и, как отголосок жизни на воле, приходило в лагерь.

XIII. — ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь в лагерях, между тем, шла своим чередом. Скоро в лагерь Зонnендорф начали работать кружки по самообразованию и технические кружки. В Регенсбургском лагере открылся ежедневный лекторий. Были прочитаны лекции на самые разнообразные темы, как например, хлебопечение, пивоварение, птицеводство, условия жизни заграницей, цитрусовые растения, виноделие на юге России, географический и этнографический очерк, ископаемые богатства Алтая, флора и фауна отдельных районов России, зарождение и развитие христианства, православие, строение вселенной, атом и атомная энергия, современные достижения электротехники, почему не удался блиц-криг в 1941 году, взгляды на войну будущего, история инженерного искусства, история архитектуры, поэзия Есенина, и много других. Работали кружки английского языка. Начались вечера самодеятельности. После пере-

езда в Платтлинг, возобновили работу школы шоферов. Создали кассу взаимопомощи. Разработали устав и положение о суде чести офицеров и о солдатском товарищеском суде.

В общем стремились как-то с наибольшей пользой заполнить досуг и не дать людям опуститься. Многие были заняты производством красивых игрушек, коробочек, шкатулок, портсигаров и пр.

Конечно, в лагерях не все шло гладко. Много было ненужных и вредных споров между бывшими советскими подданными и старыми эмигрантами. С обеих сторон пускались взаимные обидные и ядовитые эпитеты. Старые эмигранты, имевшие эмигрантские документы, в том числе и Нансеновские паспорта, считали, что они имеют право на выход из лагеря, но для этого надо обособиться от остальных. Желая обособиться, они писали письма коменданту и устно заявляли: „Отделите нас, старых эмигрантов, людей культурных и воспитанных, от этих советских дикарей с разнузданными инстинктами" (употреблялись более резкие выражения). Бывшие советские подданные в ответ на это издевались над старыми эмигрантами, вроде того, что всех их называли, „угроза большевиков". Ирония заключалась в том, что большинству старых эмигрантов перевалило за 50 лет; многие из них в личной жизни опустились, а в политическом смысле (как борцы против советской системы) они ничего не представляли.

Принципиальные споры между всеми (во всех бараках) шли в основном по двум вопросам:

Некоторая часть офицеров полагала, что мы сидим в лагере за политическую работу. Все эти кружки, лекции, беседы, говорили они, касса взаимопомощи, издание информации и проч., является формой политической работы, которую американцы запретили. Советская агентура сообщает обо всем „куда следует” и нас, по настоянию советчиков, держат в лагере. Если бы мы занимались политической работой в Кладене, Ганакере и здесь, то были бы давно отпущены.

Генерал Меандров и группа офицеров, поддерживавших его, привели людей в лагерь военнопленных. Руководству, в лице Меадрова, надо было еще в Кладене, или, в Ганакере, дать приказ „разбегаться, кто куда желает”.

XIV. „АМЕРИКАНЦЫ ХОТЕЛИ, ЧТОБЫ МЫ РАЗОШЛИСЬ"

Что касается первого вопроса, то о нем и не стоит говорить. Люди, считавшие, что кружки и лекции являются причиной сидения в лагере, — не правы. Они, отчаявшись когда либо выйти на свободу, изыскивали любые „основания" для оправдания кажущейся нелогичности действий американских кругов в отношении „власовцев".

Споры по второму вопросу более существенны. На самом деле, внешне создалось впоследствии впечатление, что американцы **сознательно** давали возможность к самороспуску лагеря. В Кладене (11-26. 5), также как и в Фридберге и в деревне Верхн. Лангендорф, охраны совсем не было. В Ганакере (28. 5. 18. 8) хотя и была охрана, но она осуществлялась формально. Вокруг лагеря был проволочный забор в один ряд, преодолеть который в любом пункте не представляло трудности. Надо было про-

сто поднять нижнюю проволоку и пролезть. Более того, отмечено много случаев, когда постовые солдаты самолично поднимали и поддерживали проволоку, чтобы беглецу из лагеря было удобнее подлезть под нее с мешком на спине. Это происходило днем или в сумерках. Иногда, чтобы соблюсти „приличия", группа беглецов подговаривала двух художников. Художники с бумагой, наколотой на доску, приходили на берег реки, где находилось большинство жителей лагеря, усаживали постовых солдат лицом к реке и начинали рисовать их портреты. А в это время беглецы в числе 5-10-15 человек, с мешками и вещами в руках, буквально в десяти метрах от сидящего спиной к ним американского солдата, уходили за проволоку под хохот купальщиков. Американский солдат знал, зачем его так посадили и, иногда, некоторые спрашивали: А сколько, дескать, „манов" должно уйти, пока я сижу и гляжу на реку?. Все были довольны: довольны беглецы, спокойно ушедшие из лагеря, доволен и художник, получивший за работу десяток сигарет, доволен и солдат, получивший свой портрет (иногда очень и очень не плохой). Так, по существу, потворствовали американские солдаты уходу из лагеря. В то же время возвращающихся в лагерь (с „пикировки") американские солдаты или совсем не пускали в лагерь, или встречали их пинками, или, во всяком случае, задерживали их и направляли в комендатуру, откуда они попадали на гауптвахту.

Из лагеря Ганакера убежало 1396 человек, т. е. в среднем по 16 человек ежесуточно. Были ночи,

когда из лагеря скрывалось более ста человек. И не было ни одного случая, чтобы убежавших без документов задержали где-нибудь в Мюнхене, Ландау, Ландсхуте, Маллерсдорфе, Дегендорфе или в другом пункте и вновь возвратили в лагерь. Все убежавшие как-то устраивались, „оформлялись" и пр.

В конце июня и в начале июля американцы держали лагерь на голодном пайке, словно говоря: „Да уходите вы, чорт вас возьми!" Комендатура лагеря ни одного разу не заинтересовалась фактической убылью людей. Строевые записки, изредка представлявшиеся штабом лагеря в американскую комендатуру, никем, видимо, не проверялись и не сличались (штаб, правда, всячески маскировал убыль, но если бы комендатура сличила строевую записку от 15-го июня до 15-го июля, то убыль людей была бы безусловно установлена).

Все это, повторяю, могло создать впечатление, что американцы, не имея права сказать, чтобы люди расходились, своими действиями как бы толкали на это, стараясь распустить и разукрупнить лагерь. В официальных заверениях они продолжали говорить, что лагерю ничего не угрожает, что судьба всех разрешится в ближайшем будущем и, безусловно, благоприятно. Один из офицеров, мистер Н. (фамилию назвать неудобно) дал генералу Меандрову „честное" слово, что если лагерю будет угрожать реальная опасность, то он об этом сообщит ему.

Итак, надо было дать негласный приказ о самороспуске или нет? (Приказ генерала Меандрова мог

быть дан в форме намека старшим офицерам: „Что-ж, господа, наше положение неясное и неопределенное и неизвестно, что нас ожидает. Надо самим устраивать свою судьбу. Всякий пленный имеет право бежать”.

Даже сейчас, когда прошел мрачный и горестный для бывших воинов РОА 1946-ой год, даже и сейчас трудно ответить на поставленный вопрос. Если бы такой „приказ” — намек был бы дан и люди действительно в одну-две ночи разошлись бы, то совершенно неизвестно, как бы на это были вынуждены реагировать американские власти под давлением советских представителей. Ясно одно, что американские власти были бы вынуждены принять соответствующие меры, и неизвестно коснулись бы они или нет всех русских, находившихся в то время на свободе, и не только русских, а вообще всех невозвращенцев.

Может быть, в последующем, кто-нибудь из видных американских лиц, хотя бы в своих личных мемуарах, коснется этого вопроса и ответит на него.

Сейчас пока судить трудно. Есть сторонники „самороспуска” (люди говорящие, что тогда надо было уходить) и есть люди, которые и ныне считают, что приказ о самороспуске давать не следовало.

XV. — ПОЧЕМУ Я НЕ УБЕГАЛ ИЗ ПЛЕНА

Очень характерно письмо генерала Меандрова, написанное им в лагере Ландсхуте в начале января 1946 года, незадолго до памятных событий (19-го января) в лагере Дахау. Правда, в этом письме генерал Меандров говорит только о себе и о руководящих офицерах, но по существу он говорил о всех, сидевших в лагере.

— „Почему я не убежал (убегал) из американского лагеря военнопленных?"

Этот вопрос неоднократно задавали мне многие и я решил обстоятельно ответить на него.

Еще до окончания войны, наши части перешли на сторону американских войск. Мы верили, что великая демократическая нация, в лице американского комадования, поймет нас и даст нам политический приют. Мы вверили свою жизнь американцам и, я полагаю, что надо быть последовательным

и добиваться благоприятного для нас решения вопроса о нашей судьбе.

Мне могут возразить, что прошло уже более 8-ми месяцев, но наша судьба не решена. Более того, были случаи насильственной репатриации. Да, единичные случаи были, но общего и окончательного решения о русских невозвращенцах еще нет. Его нужно ждать. Долго ли? Не знаю, но глубоко убежден, что спокойствие, выдержка, организованность нам помогут больше, нежели индивидуальные попытки побегов из лагерей и нелегальная жизнь на свободе. Наоборот, последнее ухудшит судьбу многих.

Медленное разрешение нашей судьбы является следствием нашей вины, вины руководителей движения. Они не могли поставить в известность правительство и общественность демократических стран о сущности нашего политического движения, зародившегося в стане врага. Если бы о нем знали и правильно понимали нас, хотя бы в период Ялтинской конференции — ее решения о репатриации были бы вероятно иными. Чтобы правильно решить нашу судьбу, необходимо глубоко и всесторонне изучить как наше движение, так и нас самих. Поверхностное, формальное решение было бы ошибочным и, следовательно, роковым для нас. Наше политическое движение стремилось дать нашему народу ту социальную справедливость, ту правду народную, к которой извечно стремился многострадальный народ. Он боролся за нее и в период княжеских междоусобиц, и во время монгольского ига, и в смутное время, и при крепостном праве. Борол-

ся, но не находил ее и в большевизме. Ознакомьтесь с русским эпосом и фольклором, и вы услышите в былинах, сказаньях, сказках, в поговорках, пословицах и песнях народных тяжесть судьбы и могучее стремление к жизненной правде и победе правды над кривдой.

Наше движение зародилось стихийно. Это особенно важно понять. Десятки тысяч людей, без всякого руководства, движимые собственным сознанием неправды своего бытия, выступили на борьбу против власти, которую они считали не народной, несправедливой. Если нас можно обвинять, то разве только в том, что мы поздно, слишком поздно приступили к организации этого стихийного народного (движения) — протеста. Им воспользовались немцы в своих захватнических целях, и русский народ, без руководства, слепо обманутый лозунгами германской пропаганды, проливал братскую кровь. Мало, очень мало, вырвали мы из рук немцев русских людей, позволили им обманывать их.

Я сделал это отступление от поставленного мною вопроса для того, чтобы подчеркнуть исторические традиции борьбы русского народа за правду и стихийный, доподлинно народный характер нашего движения. Одновременно это свидетельствует о том, что мы не изменники Родины, не преступники, а участники политического движения за лучшее будущее нашего народа, за национальный трудовой строй, основывающийся на истинных принципах демократии. **Мы не преступники, потому что**

нас десятки и сотни тысяч, и мы руководствовались не личным, а народным благом Родины.

Из под стражи бегут люди, осужденные и боящиеся правосудия. За нами нет вины и мы готовы выступить перед судом доподлинно демократических стран. И мы будем оправданы. У нас есть веские основания говорить так.

Нужно ли в этих условиях бежать из лагеря и скрываться как преступник от законного преследования американской полиции? Конечно, нет! Я считаю, что своим побегом я добился бы только обратного. Этим поступком я показал бы, что считаю себя виновным и бегу от наказания.

Представьте себе, что могло бы получиться, если бы мы все разбежались из лагерей. Специальными полицейскими мерами, рано или поздно, мы были бы возвращены в лагеря с более строгим режимом. При этом пострадали бы и те, кто сейчас на свободе и законно пользуется ею. На всех нас, русских, стали бы смотреть, как на преступников. Последствия были бы более чем трагические.

Представим еще, что убежали бы те, кто занимал руководящие должности в нашем движении. Как должны были бы реагировать на это остальные? Они сказали бы: „Нас бросили на произвол судьбы". Какой бы выход они нашли, — трудно сказать, но ясно одно, что их действия были бы для нас и нашего движения позорными. И этот позор заклеймил бы тех, кто в тяжелую минуту убежал спасать свою жизнь. Наше движение постигла неудача. Мы не собираемся продолжать борьбу, но

обязаны выйти из этой борьбы с честью. Выход этот должен быть честный, прадивый, какими были и наши идеи. Это наш святой долг.

Сидеть за проволокой тяжело. Все мы находимся между жизнью и смертью. Приезд советских представителей, уговоры, кончающиеся угрозами, мрачные слухи... Временами кажется, что нам уже нет сил переносить зловещую неопределенность нашего положения. Усилием воли поддерживаем в себе надежду, что судьба разрешиться благоприятно для нас. Чувство самосохранения свойственно каждому человеку. Оно нашептывает заманчиво: „беги, будешь свободен, будешь жить!"

Это период слабости душевной. Его можно побороть и быть готовым умереть, если не получишь законную свободу. Умереть достойно, спокойно, с твердой верой, что наша правда народная в конце концов победит, и русский народ будет великим и свободным. — „Так надо и так будет:.."

Надо всё же помнить, что в лагере было больше таких людей, которые не хотели бежать из лагеря Ганакер, например, из общего числа прибывших туда, включая и сводный полк, за время с 28. 5 по 18. 8 ушло 20%, хотя при существовавшей системе охраны могли уйти все. Более того, когда уже произошли памятные события 19. 1. 46 в Платтлинге, группа платтлингцев в количестве 800 человек, направлялась в лагерь Бургау. Перевозка совершалась по существу без охраны. Из 800 человек убежал только один. В дальнейшем эта группа находилась в Бад-Айблинге и ей было известно о вто-

рой выдаче в Платтлинге, происшедшей 13-го мая. И все же эти люди в августе месяце писали на имя коменданта письма, в которых выражали надежду, что их не выдадут.

Что это — доверчивость русских людей или убеждение в своей невиновности? Скорей всего незнание сложного механизма взаимоотношений между сильными государствами, когда при их политических расчетах летят головы невиновных. Печально, что разменной монетой оказались наиболее честные русские люди.

XVI. НАДЕЖДЫ НЕ ПОКИДАЮТ

Надежды на скорое освобождение не покидали людей даже после переезда в лагерь Регенсбург и Зоннендорф.

22-го августа группа старших офицеров передала через коменданта лагеря письмо на имя американских властей, в котором она выдвинула предложение о создании специального „комитета" по трудовому устройству русских, находящихся в американской зоне". В письме говорилось, что поскольку все официальные лица Американской армии заверяют о невозможности насильственной выдачи русских в руки Советские властей, и указывают на скорое освобождение военнопленных из лагеря, то теперь главной задачей надо ставить вопрос правильного трудового устройства русских.

Многие сотни тысяч русских, украинцев, белорусов и других бывших граждан России, находящихся в Американской зоне, живут случайными и необеспеченными заработками, и часто, в силу этого, создают в отношении себя неприязненный взгляд со стороны немецкого населения, с которым

нам придется долгое время совместно жить и работать.

„Комитет по трудовому устройству русских, находящихся в американской зоне", выполняя свою основную задачу, т. е. задачу правильного трудового использования людей, выявит и сможет воздействовать на тех, кто не желает честно жить и честно трудиться. Комитет должен обладать правами создания и руководства трудовыми объединениями и профессиональными организациями. Через Комитет также должны оформляться документы, выдаваемые местными властями на право жительства.

Это письмо было передано в главную квартиру американских войск, но ответа на него, как и на многие другие письма, не последовало.

В заключение приведу еще два письма: письмо ген. Меандрова, переданное им с оказией в лагерь и новогоднее обращение (к новому 1946 году) группы офицеров к офицерам и солдатам лагеря.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА МЕАНДРОВА

„25. 11. 45".

Многоуважаемый Н. Н.!*)

Большое спасибо за информацию о вашей судьбе, до нас доходили кое-какие слухи, имевшие мрачную окраску. Нас очень беспокоила судьба нас всех. Теперь, кажется, все улеглось, наиболее тяжелое, трагическое осталось позади. Если это так, то нужно искать пути в будущее. Без цели и

*) Адресовано полк. Нерянину.

перспектив жить нельзя. До сего времени мы все жили моментом, сегодняшним днем, и нашей целью было спасти себя и других. Как после всякого поражения, нужно отступить с максимальным сохранением сил. Отошли с большими потерями, но закалились. Тут каждый сам себе голова, сам себе начальник. Надо принять решение на какой позиции встать и с каким целями. Каждый должен самоопределиться. Позиций много, а решений может быть еще больше. Судьба готовит нам второй экзамен. Выдержим ли мы его? Разойдемся, пожалуй, по своим узеньким тропинкам или выйдем все на широкую общую дорогу. Каждый должен решить вначале самый главный вопрос: жить или прозябать? Первое требует устремление к новому, борьбы и жертв, второе — мягкой постели.

Вот лагерный „университет" — доброе начинание. В Платтлинге кружок по самообразованию. Это объединяет и, если не направляет, то все же толкает в будущее и, следовательно, помогает самоопределиться.

Хотел написать всем вам большое письмо, но передать его трудно. Не знаю, смогу ли я переслать вам и эту записку. Прошу передать всем офицерам и солдатам мой привет и лучшие пожелания, здоровья, сил и бодрости. Мысленно всегда с вами и всякие вести о вас волнуют и радуют. Пишите, если возможно.

Будем надеяться, что недолго осталось томиться и настанет день освобождения и встречи. Я лично смотрю вперед бодро. Чем дальше, тем будет легче.

Всего хорошего. Крепко жму руку всем.

Ваш Меандров.

П. С. Привет всем от всех генералов"....

Это письмо генерала Меандрова, полученное уже в декабре м-це в лагере Платтлинг, было размножено и доведено до сведения всех солдат и офицеров.

Текст новогоднего обращения командования группы РОА:

„Господа офицеры и солдаты!

Мы встречаем Новый 1946 год не в кругу родных и близких, а в плену, за проволокой, вдали от Родины, в обстановке тревоги за свою личную судьбу...

Все это, однако, не должно смущать наш дух и не может служить основанием для уныния и потери веры в лучшее будущее.

Друзья! Проволока и плен — временное явление. Передав свою судьбу в руки демократического правительства США, мы, как политические эмигранты, вместе со всеми русскими людьми, не пожелавшими возвратиться в Советскую Россию, подпадаем под охрану общепризнанных законов и можем быть уверены, что наша судьба разрешится в благоприятном для нас смысле.

Гораздо труднее и тяжелее для каждого из нас будет решаться задача проживания заграницей, вдали от Родины, в условиях кажущейся бесперспективнности и обречнности, когда легко можно потерять веру в правоту избранного пути.

Сохранить свою идейно-политическую твердость и стойкость, веру в торжество идей, ради которых мы встали на борьбу, сохранить в чистоте свое русское национальное лицо перед другими народами, мы сможем, если будем всесторонне поддерживать и отвечать друг за друга, воспитывать в себе жертвенную непримиримость к поработителям нашей Родины — к большевистской диктатуре.

Не страшась невзгод, не боясь потерять свою жизнь, мы встали на пути борьбы за счастье и свободу своей Родины, на борьбу против большевистских узурпаторов, поработивших наш народ.

Впереди тяжелая жизнь и упорная борьба, но мы твердо верим, что настанет день, когда Родина-Мать встретит своих верных сынов и воздаст им заслуженные почести.

На чужбине, где бы мы ни находились, куда бы нас ни забросила судьба, мы обязаны поддержать и возвысить почтительное отношение граждан других стран к нашему великому многонациональному русскому народу.

Отдельные национальные организации, землячество и трудовые объединения, которые могут возникнуть после выхода из лагерей, не должны **заслонить общего принципиального понимания,** что все мы прежде всего — **русские** и у нас **Единая Неделимая** и необъятная великая **Родина Россия.**

Все мы русские, украинцы, белоруссы таджики, татары, башкиры, грузины, узбеки, армяне, азербейджанцы, калмыки, дети Дона, Кубани, Урала, Терека и Амура, алтайские и сибирские, ашхабад-

ские и тифлисские народы, народы дальнего севера и знойного юга, народы востока и запада, все мы верные сыны нашей единой Родины — России.

У нас единая цель — победить и со славой вернуться домой в свои станицы, кишлаки, хутора, села и деревни, в свои спокойные аулы, в города и поселки, к своим родным и близким.

Мы добьемся поставленной цели только в том случае, если теперь же начнем готовиться к ее выполнению, если каждый из нас полностью отдаст свое личное „я" общему делу, если каждый подчинит свою волю воле всех, если у нас будет постоянная готовность пожертвовать собой ради счастья Родины, если у нас будет необходимая организованность, взаимная связь и единство.

Как никогда, нам необходимо единство мышления, единство понимания стоящих перед нами задач: организованность, солидарность и сплочение. Наша солидарность есть в то же время союз солидарности с нами граждан других стран, убежденных в том, что большевизм, как система диктатуры и угнетения, является врагом всего человечества. В этом союзе солидарности всех антибольшевистских сил мы обязаны быть и будем не последней силой. Мы безусловно выполним свою историческую задачу антибольшевистского авангарда, потому что перед нами стоит наша Великая, многонациональная Родина-Мать — Россия, за счастье, честь и достоинство которой надо жить, бороться и, если надо, умереть!

Друзья! У нас нет оснований для уныния! Мы можем встречать Новый Год с уверенностью в своем лучшем будущем.

Поздравим друг друга с наступающим Новым Годом и пожелаем, чтобы в ближайшее же время благоприятно разрешилось наше правовое жизненное положение.

Мы твердо верим в светлое будущее нашей страны, нас лично и в торжество извечной Правды и Справедливости!

Мы желаем всем вам, душевной бодрости, ясности мысли и воли. Мы призываем вас к единению и мужеству, которые не раз спасали наш народ в тяжелые дни его истории...

С Новым Годом, друзья!"

Как бы в ответ на этот добрый тон новогоднего письма, последовали тяжелые и печальные события мрачного 1946 г.*)

---

*) В 1946 г. американская армия проводила массовые, кровавые выдачи власовцев советам.

XVII. КТО Я?

Дневник полковника А. Г. Алдана остался незаконченным. Он еще предполагал написать четыре главы: I. Дайте право честно трудиться; 2. Неужели не ясно? 3. Кто мы? и 4. SOS!

Начиная с 1948 г. когда полк. Алдану становилось тяжело на „свободе", вне плена, он продолжал писать свои воспоминания. Было бы неполным для определения личности полк. Алдана, если бы мы не включили его собственноручно написанную биографию — „Кто Я?", которую мы даем в книге в главе 17-ой.

Родился в семье рабочего каменщика в 1902 году на Среднем Урале.

В 1913 году окончил Церковно-приходскую школу.

По натуре, видимо, всегда был немножко идеалистом. Идеализм проявился, например, в том, что в 1915 году тринадцатилетним мальчишкой убежал на фронт, правда неудачно ибо через пять дней был задержан и водворен обратно домой.

В 1919 году, после того как Ашинский завод был занят частями Красной армии, я добровольно пошел в армию тем более, что к этому времени у меня не было ни отца ни матери.

С 1919 по 1922-ой год я был простым красноармейцем без особых убеждений и пока еще без сознательного понимания жизни.

В эти годы я впервые столкнулся с антиком-

мунистическими воззрениями. Три человека близких мне покончили жизнь самоубийством из-за расхождения теории и практики советской власти. Один из них был Комиссаром отдела штаба Восточного фронта, второй — штатным агитатором агитпункта ст. Омск и третий — простой красноармеец — коммунист. Мотивы всех трех самоубийств — „Боролись не за то, что получили". Первые двое мне, молодому человеку, объясняли: „жить больше нельзя; жизнь вновь повертывается против народа..."

Эти самоубийства остались в памяти на всю жизнь, но... время делает свое дело.

В 1923 году находясь в Пехотном военном училище я подал заявление о приеме в кандидаты партии. Как сын рабочего по социальному происхождению и рабочий по социальному положению, я имел право на 3-х месячный кандидатский стаж, но уже в то время прослыл среди своих товарищей под кличкой „бунтарь одиночка" и вместо 3-х месяцев я пробыл в кандидатах 2 года.

Кличка „бунтаря" преследовала меня всю жизнь и основывалась она на том, что я всегда „бунтовал" против несправедливого отношения старших начальников и командиров в отношении нижестоящих и им подчиненных людей.

Под воздействием систематического политического воспитания я постепенно становился убежденным коммунистом-идеалистом, уверовавшим в теоретическую часть коммунистического учения, как самого справедливого социально-общественного учения несущего всеобщее счастье, равенство и братство.

Идея всеобщего счастья, равенства и братства

не могла не увлечь меня, особенно в первые годы знакомства с коммунистическим учением.

Однако, мой идеализм не мог быть „созвучным эпохе". Этого я сначала не замечал и не понимал. В результате моего идеализированного „бунтарства", я в 1931 году получил по партийний линии „строгий выговор с предупреждением" за то, что выступал против социалистического соревнования (формулировка: „За недооценку социалистического соревнования"). В 1932 году был исключен из партии „за лево-троцкистский уклон". После меня восстановили в партии, ограничившись „выговором", поскольку обвинение в „лево-троцкистской уклоне" было состряпано партийными работниками против которых я неоднократно выступал.

В то же время, по служебной линии, я всегда имел исключительно отличные аттестации, что собственно позволяло мне не только держаться на поверхности, но и продвигаться по службе и быть в высших военных учебных заведениях.

К тому же, я, с течением времени, научился меньше „бунтовать" и больше таить в себе свои сомнения и расхождения с официальной партийной линией.

С разговорами о том, что мы „получили не то, за что боролись" — мне пришлось встретиться в различное время несколько раз.

Мой зять (муж сестры) — рабочий-каменщик, пенсионер с 1924 года, с семьей в 8 человек, продолжал жить в середине и конце тридцатых годов на пенсию в 54 рубля. Он часто говорил мне: „попробуй-ка поживи на 54 рубля; да и пожаловаться то некому при своей-то власти..."

Мой товарищ, некий Д. В. В., бывший матрос, участник гражданской войны, окончивший в 1934 году Институт Красной Профессуры часто говорил мне: „Вот, кажется, одно средство (...револьвер..) окончить счеты с тем, за что я боролся в 1918-19 гг.

Другой мой товарищ, военный врач А. А. В., бывший в 1919 году политическим руководителем, также очень часто варьировал ту же тему, говоря: „петля на шее или вот эта „игрушка" (..револьвер...) примирит меня с тем за что я дрался в 1919 году.

Естественно, конечно, что в результате подобных разговоров возникали споры, разбирательства, суждения и т. д., приводившие если не к определенным антикоммунистическим выводам, то к известной сумятице в понимании окружающей практической сущности советского бытия.

Я говорю об этом не потому, что желаю убедить кого-то в том, что я тогда уже был антисоветски настроенным человеком, а к тому, чтобы подчеркнуть, что у меня давно стали возникать начала сомений.

Летние месяцы 1932 года я пробыл в Киеве, где на бульварах, площадях, в скверах и садах я видел тысячи людей, женщин, детей и стариков обезсиленно лежавших на земле и просивших у прохожих кусочек хлеба...

Честно говоря, я всегда старался найти оправдание действиям советской власти, считая, что все это — временное преходящее, что новое без жертв не строится и т. д., но тем не менее червь сомнения точил меня, хотя я и старался подавлять его. Я старался покрыть всё это покрывалом „социально

совершенной идеи, носителем которой является коммунистическое учение. Не легко было расставаться с постепенно возникавшим убеждением юности.

Ныне я часто задаю сам себе вопрос: был ли я убежденным коммунистом? И отвечаю на него: Нет, не был. Был идеалистом принимавшим желаемое за реально возможное.

В Красной армии в 1928 году сдал экстерном за полный курс средней школы; В 1934 году окончил Военную Академию имени Фрунзе и в 1939 году окончил Академию Генерального штаба.

Началась война... В самом начале ее я пережил чрезвычайную горечь разочарования. Особенно поразил меня один случай:

— В начале июля 1941 года из-под Невеля на Ново-Сокольники отходила колонна беженцев. Я остановился около и стал что-то спрашивать... И вот, совсем еще молодой крестьянин-колхозник, лет 35-38, поспешно стянул с головы шапку и подобострастно заговорил: „Что ж товарищ господин (?) — командир, немец идет, а мы от него. Может быть лучше было бы остаться... хуже то ведь не будет... Вы, господин-товарищ командир, не сердитесь и скажите что нам делать — здесь оставаться или дальше идти? Ведь „он" нагонит скоро..."

От обиды, злости и жалости к нему и к себе я вспылил и накричал на него: Ты что ж шапку то скидываеш, перед кем... Какой я тебе господин..?

Но что мной дальше руководило я пожалуй и сейчас не могу ответить. Я сказал беженцам: сворачивайте в сторону, вон в тот лесок, оставайтесь там... немец сюда не придет...

Я лгал, заведомо лгал, ибо знал что через 12-15 часов немцы займут этот район. Когда я сел в машину, то мой адъютант спросил меня: т. полковник, почему вы оставили их в лесу, ведь немцы сюда скоро придут?

Всё это было не коренным переломом моего сознания. Это было, пока, только накапливанием антисоветских настроений.

Я рассказываю об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть, что мой переход в лагерь антикоммунистов проходил довольно медленно, в борьбе с внутренними противоречиями.

3-го ноября 1941 года, после 26-ти дневного скитания по лесам, когда я пытался пробраться через фронт из немецкого тыла, я попал в плен.

Из штаба 4-ой немецкой армии я был направлен в штаб фронта, где кстати сказать, я впервые познакомился с капитаном Штрикфельд.*)

18 ноября, я в группе с другими был привезен в Берлин в лагерь Вульхайде. Лагерь Вульхайде был создан по инициативе немецкого Министерства Пропаганды для подготовки пропагандистов из числа военнопленных. Откровенно говоря я в подобный лагерь не стремился и считал, что попал в него по ошибке.

В лагере Вульхайде я прослушал курс лекций и пробыл в нем до 2-го апреля 1942 года, когда перешел для работы в „Антикоминтерн" в так называемое „Бюро Альбрехт", числившееся, в администра-

---

*) Капитан Штрик-Штрикфельд, один из немецких офицеров ОКВ, который подал идею и создании РОА и поддерживал ген. Власова.

тивном отношении, при известной „Винете".

17 января 1944 года я был официально освобожден из немецкого плена и 11 января 1945 года перешел в РОА.

В лагере Вульхайде, в должности главного и единственного преподавателя по политическому циклу был, известный потом по Дабендорфу, некий барон Ропп. Он читал курс лекций по разделам: что такое социализм, национал-социализм, что такое нация, народ и т. д. Для понимания общего тона и общего содержания этих лекций позволю привести несколько положений выставляемых господином Ропп. Сразу-же оговариваюсь, что сам г. Ропп, наверно, не разделял того что он говорил. Он был обязан так говорить, такова была программа.

1. „Человеческое общество, — говорил г. Ропп, — подобно большому лесу. В лесу есть могучие дубы, стройные тополи, белоснежные березы... Есть там и мелкий кустарник устилающий подножие великанов леса, стоящих в полном расцвете своих сил.

Русский народ — самый молодой народ, исторически еще не выросший. Он, пока, только — кустарник, ютящийся под сенью великанов. Они его защищают от непогоды, они укрывают его от зноя... Германская раса, германские народы вообще, — прекрасные дубы-великаны, находящиеся в полном расцвете своих творческих сил и возможностей. Поэтому, господа, если вы имеете каплю здравого смысла, то поймете, что русский народ не может претендовать на самостоятельное существование и тем более на саморуководство..."

2. „Человеческое общество подобно красивому архитектурно-законченному зданию. Но в строи-

тельстве здания был употреблен и простой бутовый камень в качестве фундамента здания (это были наши предки, говорил г. Ропп), затем стены здания выложены из простого кирпича. Законченная стройность здания, его строгая красота получилась от того, что оно было прикрыто облицовочными плитами придавшими зданию его смысл.

Русский народ, по своей незрелости, в лучшем случае, может быть уподоблен кирпичам, а немецкий народ — облицовочные плиты, увенчавшие строение. Немецкий народ Богом и Историей призван к руководству человеческим обществом. Он и только он может возродить человеческое общество и придать ему одухотворенность...”

3. „Человеческое общество в целом, также как и отдельный человек, — рождается, мужает, стареет и умирает. Англо-саксы, франки — состарившиеся народы; они изжили себя и находятся сейчас в стадии старческого паралича, разложения и маразма. Русский народ — исторически молодой народ и возможно еще станет, когда нибудь, великим народом. Но ныне и те и другие, т. е., англо-саксонские, романские и славянские народы не могут претендовать на саморуководство. Они должны руководиться зрелыми мужами — германским народом...”

4. „Человеческое общество носит в себе ж е н с к и е и м у ж е с к и е начала. Представителями женских начал в человеческом обществе являются славянские народы и среди них, в первую очередь, белорусы. Украинский народ, впитавший в себя польско-литовскую кровь более „зрел”. Великорусы... представляющие смесь славянской, фин-

ской, татарской крови — более воинственны; они вроде древних амазонок, но все же — женщины.

Носителями мужских начал являются германские народы. Ныне настало время оплодотворить женские начала мужскими началами. Для этой миссии самим Богом предназначен германский народ..."

5. „В течение последних трех с половиною веков, особенно в первой половине этого периода, великороссы, как наиболее активный народ, покорили белорусов, украинцев, кавказцев, туркестанцев и т. д. Это было насилие навязанное силою оружия. Ныне наступает время, когда в содружестве народов „Новой Европы" будут раскрепощены покоренные великороссами народы. Они получат законное право на самостоятельное существование под покровительством великого германского народа. Несправедливость будет уничтожена..."

6. Русь, точнее — Великороссия и великорусский народ не является, в строгом смысле, славянским народом. Это смесь славян, угро-финнов и монгольских племен. В результате этой смеси получился воинственный народ жаждущий захватов. Однако воинственность не есть еще признак зрелости. Видимая история Руси-России обусловлена тем, что Россия всегда получала новую кровь в свои вены. Так, на заре Руси, славянские племена, не будучи в состоянии управлять сами собой, призвали на княжение варягов с их дружинами. Это было вливание в Русь северо-германской крови и это обеспечило нормальное развитие ее до времен княжеской междоусобицы.

Заболевшую Русь покорили татары. Одновременно это было новым вливанием новой крови.

Это вливание было настолько удачным, что великоросский народ, переваривши, ассимилировав татарскую кровь оказался в состоянии сбросить татарское иго и Русь снова могла нормально развиваться. Но ко времени царствования Ивана Грозного Россия вновь заболела. Эта болезнь характеризуется, так называемым, смутным временем, продолжавшимся, по существу, вплоть до Петра Первого.

Петр Великий — государственный ум. Он понял болезнь России и призвал для оздоровления русской крови немцев, датчан, голландцев и т. д. Новое вливание германской крови дало возможность Романовской империи развиваться до начала 20-го века, когда Россия вновь заболела. Болезнь прошла через кризисы — революция 1905 и 1917 годов.

Ныне эта болезнь стала неизлечимой и теперь требуется срочное хирургическое вмешательство. Немцы берут на себя благородную задачу — оперировать Россию и тем самым восстановить ее силы..."

Всякий раз, в конце беседы, господин Ропп предлагал высказываться тем, кто не согласен с его тезисами.

И вот я, по своей обычной прямоте, всякий раз выступал на лекциях и, образно говоря, не хотел быть в роли „женщины оплодотворяемой немецким бугаём". Я старался перевести образную речь г. Роппа на политический общепонятный язык.

В эти дни и недели во мне, наверное, впервые стало формироваться отчетливое различие между понятиями: русский и советский.

Откровенно-издевательское глумление над русским народом подымало во мне русскую гордость и боль за свой народ и я, не стесняясь в выражениях,

горячо выступал против „учений" г. Роппа.

Еще более мне было непонятно поведение молодых людей, недавних советских солдат и юных офицеров, аплодировавших речи г. Роппа, и я часто произносил фразу: „Чему вы хлопаете, чему радуетесь? Еще вчера вы также хлопали на собраниях в СССР, а ныне вы попираете то, чему вы вчера поклонялись. Я не верю вам. Такая быстрая смена убеждений для меня не убедительна".

Теперь, после нескольких минувших лет, я стараюсь проанализировать свое тогдашнее поведение и спрашиваю: что во мне больше было коммунистических ли убеждений или русских настроений? И отвечаю себе: тогда во мне говорила простая русская кровь, обида за свой народ, осознаваемая в мучительной раздвоенности с тем, что я переоценивал в это время и с тем, на чем я был воспитан. Сейчас, после здравого размышления, мне кажется что я всегда был русским и мои коммунистические прежние настроения диктовались поисками извечной правды, справедливости и счастья на земле для всех людей.

К чести барона Ропп я могу сказать, что он достаточно долго покрывал мои выступления против него и только уже в феврале 1942 года он впервые произнес фразу: „Конечно, г. полковник Нерянин прав. Он — коммунист и продолжает оставаться на своих позициях и это делает ему честь. Я уважаю убеждения честных людей кто бы они ни были. Но поскольку г. Нерянина нельзя перевоспитать, то он сам себя ставит в положение, когда согласно русской пословице — сорную траву из поля вон..."

Г. Ропп сознательно или несознательно, судить

не берусь, свалил в одну кучу „коммунизм" и „русскость". Я допускаю, что он не мог заявлять, что я выступаю в защиту русского народа, русского имени; для него это было бы „неудобно". Он пошел по наиболее легкому пути — представить мои высказывания в виде коммунистических убеждений.

И вторично к чести г. Ропп могу сказать, что когда в конце февраля или в начале марта месяца 1942 года в лагере появился представитель министерства пропаганды небезизвестный К. И. Альбрехт, то Ропп сказал ему: „Нерянин наиболее умный из всех, но губит себя своей неосторожностью и если у вас (у Альбрехта) есть возможность то вытащите его из лагеря..."

Как угодно судите меня, но я считаю, что в условиях 1941 года выступать и говорить против официальной немецко-фашистской идеологии, тем более военнопленному, было мужеством и подвигом.

Я еще раз подчеркиваю, что пересмотр моих убеждений произошел не сразу, не в одно мгновение. Он начался еще „там", а завершился уже „здесь". Лагерь Вульхайде, где возникало много споров, сравнений и проч., был для меня известной школой. Затяжной характер постепенного изменения моих взглядов объяснялся еще и тем, что он происходил в обстановке самой гнусной антирусской, а не антикоммунистической, агитации со стороны немцев. Они были упоены своими успехами и не стеснялись в высказываниях, о своих вожделениях в отношении России. После они изменили свою тактику, насколько это было посильно их немецкому уму.